

ВАСИЛИЙ ФОМИН

Священная супруга

Василий Фомин

Священная супруга

«Издательские решения»

Фомин В.

Священная супруга / В. Фомин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832763-6

Произведение составляет дилогию с романом «Демоны Египта», но представляет собой совершенно иное произведение, с другими действующими лицами. Книга основана на реальных событиях, произошедших в Египте более 4,5 тысяч лет назад, и повествует о жизни первой женщины-фараона в истории Египта. Первой женщине-правительнице в мировой истории.

ISBN 978-5-44-832763-6

© Фомин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Царевна с локоном	6
Глава вторая. Дочь и Священная Супруга	12
Глава третья. Царские друзья	20
Глава четвертая. Земные боги смертны	25
Глава пятая. Визит вельможи	33
Глава шестая. Царица и великий мастер	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Священная супруга

Василий Фомин

© Василий Фомин, 2016

ISBN 978-5-4483-2763-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Царевна с локоном

Повелитель Обеих Земель, мощный Бык Черной Земли, Нефер-ка-Ра (Прекрасная душа Ра), Хор-Нетери-хау (Хор-божественное проявление), Нетиери-хау-небти (божественное проявление обеих богинь), Бик-небу-сехен (могучий золотой сокол) прямо и неподвижно сидел на троне владык Кемт.

Присутствующие в громадном тронном зале дворца Инебу-Хедж с ужасом и благоговением взирали на высохшее, костлявое тело своего властелина.

Почти все присутствующие всю свою жизнь видели повелителя только в таком виде – с кожей висящей складками, костями, выступающими по всему телу с ввалившимися щеками и губами. Никто не помнил его другим. Это был бог находящийся одновременно и в мире мертвых и в мире живых. Как и положено любому богу.

Когда он открывал глаза и смотрел на своих подданных, их охватывал трепет, ибо это был взгляд оттуда, из-за великого предела. Когда он произносил слово-другое, все непроизвольно содрогались, ибо это говорила вечность.

Никто не помнил его юным, молодым или зрелым человеком. Никто не мог сказать точно, был ли он вообще рожден когда-либо или всегда был таким, подобным мумии не, имеющим возраста. Одно было совершенно ясно – это печать богов, бессмертие в мире смертных.

Давно уже готова его высота и ждет. Давно ушли в свои горизонты жены земного бога, давно уже успокоились все его слуги рядом с высотой своего повелителя и даже почти все его потомки ушли в страну Заката. Давно уже выбиты внутри гробницы священные тексты-заклинания, что помогут владыке в загробном путешествии не сбиться с пути.

По тронному залу разносился негромкий торжественный и священный напев:

- Изготовлена для него лестница в небо,
- Он вступит на нее в дымке великих воскурений,
- Пеопи полетит, словно птица и сядет на трон,
- Как священный скарабей на пустующий трон,
- На пустующий трон в золотой ладье Ра.

(текст песни подлинный).

Владыка сидел неподвижно с тяжелым красно-белым пшентом на голове, с красно-золотисто-голубым ускхом на плечах, с полосатым жезлом и хвостатой плеткой в руках. Он сидел с закрытыми глазами, в каменной неподвижности и уже давно, и никто не знал – в какой момент он откроет глаза, скажет слово или просто шевельнется. Никто не знал даже – находится ли он в мире живых.

Владыка был в мире живых. Живых, но давно ушедших и существующих в виде образов. Владыка был очень далеко, в безмерной дали от своего высохшего, немощного и очень тяжелого тела.

Напрасно окружающие думали, что он не был рожден, напрасно считали, что всегда присутствовал в виде живой мумии.

Владыка Неферка-Ра Пеопи был юн и молод. Сейчас. Но это знал только он один во всем мире живых.

Он вновь стоял перед войском с булавой в руке, под своим штандартом с черным шакалом и мощные и тугие мышцы перекатывались по его атлетическому телу в предвкушении битвы.

Он вновь пил ароматное вино в зале, ярко освещенном факелами, глядя на извивающиеся, соблазнительнишие тела танцовщиц и перешучиваясь с друзьями.

Он чувствовал прильнувшее к нему упругое тело, видел сияющие глаза в обрамлении смоляных волос. Кто сказал, что он не был молод? Все его друзья, все его женщины с ним. Он постоянно говорит с ними, пирует с ними. Только знает об этом он один.

- Змей с дурным глазом скройся в ночи,
- Ибо тебе принадлежит запах ночи.
- Священный Себек скройся в воде,
- Ибо тебе принадлежит запах глубины.
- Бессмертная Нейт яви мне свой лик,
- Я, знаю, тебе принадлежит вечности запах.

(текст песни подлинный).

- Принцеса, принцеса! Остановись! Принцесса туда нельзя! О, боги! Принцесса вернись!

В тронный зал вбежала девочка лет восьми-деяти в красном калазирисе, с густыми, длинными, черными волосами и забежала между неподвижно стоящими жрецами и сановниками, будто оживший язычок пламени с клубами черного дыма выходящего за ним.

Бежавшая следом за ней прислуга распростерлась ниц у входа, не смея переступить его и всем своим видом высказывая понимание своей вины и ожидая заслуженного наказания в виде ссылки в каменоломни или смертной казни. Ну, по-крайней мере, некоторого количества палок.

Девчонка, меж тем, выглядывала из-за фигуры Великого Видением, ухватившись за его белые одежды. Увидев, что няньки и слуги не осмеливаются переступить порог тронного зала, маленькая шкода высунула язык и сказала:

- Бе-е-е-е.

Затем, вышла из-за верховного жреца бога Ра на середину зала и вприпрыжку поскакала к повелителю Обоих Земель. Черные волосы трепыхались в такт прыжков, большие черные глаза весело блестели, оттопыренные ушки озорно торчали. Девочка одновременно напоминала и большого игривого котенка и проказливую обезьянку.

На полпути она повернулась в сторону входа и вновь высунула язык.

- Бе-бе-бе-бе.

Подскакав к трону, она весело посмотрела на владыку, по-прежнему сидящему с закрытыми глазами, и полезла к нему на колени. Устроившись по-удобней, она принялась тереть владыку за накладную бороду. Не добившись результата, она привстала и потерлась своим курносым носиком-кнопкой об огромный расширенный внизу нос повелителя. Повелитель медленно открыл глаза, неохотно возвращаясь из своей молодости в скучную и немощную действительность.

- Нейт. – медленно произнес он. – Любимейшая жена моя. Ты юна как прежде.

- Дед! Ты спал опять! – обличила владыку пигалица.

– А, это ты моя принцесса. Как ты на нее похожа, моя прекрасная и маленькая принцесса. Вот что значит божественная кровь Гора!

– А ты не расстраивайся, мой повелитель и мой дед, я тоже Нейт, но Нейт превосходная, я буду великой царицей и богиней! Ты, дед, не забыл, как меня зовут?!

– Конечно, будешь, моя принцесса. Великий мастер, как идет обучение принцессы? Что о ней ты скажешь?

– Принцесса своенравна, упряма, своевольна. – маленький бес на коленях у владыки скорчил гримасу и искоса, строго посмотрела на жреца. – Но вместе с тем очень умна, и очень способна.

– Дед, дед, послушай, что я узнала: оказывается мое тело всего лишь видимая часть меня, а всего остального намного больше. А мое Бу – душа-проявление, летает по всему миру, и я летаю с ним, но только по ночам во сне. Знаешь, я там встречаю бабушку и маму, они прекрасные и юные богини и мы вместе летаем в хрустальной чистоте неба среди звезд... А почему ты с нами не летаешь?

– О! Ты скоро и меня там встретишь, мой весенний ветер. Я обязательно полечу вместе с вами, ведь я так люблю вас!

– Дед, – сверкнула угольными глазами царица, – а дай мне поносить твой усок.

Владыка положил на колени жезл с плетью, отстегнул украшение и надел его на внучку.

Та соскочила с колен и поскакала по залу, напевая:

– Дуат возьмет ваши руки

– В том месте, где созвездие Саху

– Ты можешь взойти на небо

– И слиться с созвездием Саху.

(текст песни подлинный)

– Великий джати, где твоя гробница? – спросил вдруг владыка.

– В моем сепе, жизнь, здоровье, сила.

– Казначей бога, а где твоя гробница.

– В моем сепе, жизнь, здоровье и сила.

– А почему не здесь, на поле Сокара, рядом с моим горизонтом?

Никто владыке не ответил.

Внучка уже допрыгала до выхода, как сзади послышался стук.

Пигалица замерла, будто наткнулась на стену, и медленно повернулась. Это всего лишь упала на пол двойная бело-красная корона – пшент. Нефри-ку-Ра Пеопи, по-прежнему сидел на троне, только голова его поникла на грудь.

Высшие сановники, поглядывая друг на друга, нерешительно направились к короне Двух Земель, но раньше всех там оказалась девчонка. Она обхватила корону, которая была почти ей в рост, обеими руками и, глянув темными, вдруг ставшими строгими и очень мрачными, глазами сказала:

– Не трогайте и не подходите. Никто не смеет подходить. Все стойте там, где и стоите. – она обвела всех сановников темным взглядом невиданной глубины. – Это дедушки корона. Он просто опять заснул, я подожду пока он проснется. – принцесса закусилла задрожавшую нижнюю губу.

Она так и держала пшент, пока в зал не пришел царевич Меренра с друзьями. С Ахнахтом, Уаджаром, Хнемредиу...., ну, в общем, с друзьями....

Шепот перелетал из конца в конец тронного зала дворца владык Черной Земли, отскакивал от стен и сочился наружу. Ожидали повелителя Обеих Земель Меренра Немтиемсафа.

Весь цвет Кемт находился здесь, по-крайней мере так считали те, кто там находился.

Что? Что же скажет повелитель сегодня. Для чего собран государственный совет, коллегия вельмож, смотрители красной и белой палат, председатели шести судебных палат?

– Возможно, его величество, жизнь, здоровье и сила, желает сделать пожертвование богам и храмам. – высказал предположение великий видением.

Великий храм войны Нутерхопер фыркнул.

– Святой отец, вы не боитесь, что от новых подношений боги изрядно подрастолстеют и им лень будет пошевелиться?

– Не богохульствуй, Нутерхопер!

– Да ладно! Судя по тому, что вокруг Черной Земли творится, они и так уж прекратили шевелиться. Пора, пора их посадить хоть на какую-то диету.

– А я говорю, что это богохульство!

– А я тоже говорю и говорю, что вы зажрались. А речь, сегодня, конечно же, пойдет о войске. Куш, Ирчет, давно мы потеряли. Уатут под шумок недавно тоже отложилось. Теперь и Уат на сторону глядит, техенну в дельте чувствуют себя как дома. Так может, вы святой отец, пойдете на границу, да и шуганете их святой молитвой – в богов, в их душу и в их мать!

– Нутерхопер, я на твои слова могу лишь громко плюнуть! И плюю. Тьфу!

– А я на ваш плевок, святейший, могу не громко, а по-тихому насрать. И насру.

И хоть военначальник явно применил образное выражение, а не выразил намерение произвести действие, окружающие слегка попятнулись по сторонам, как бы освобождая место.

Аханахт неодобрительно взглянул на споривших.

– Великий храм войны ты подобные-то выраженья оставлял бы за порогом зала, а лучше пред вратами Белых Стен.

Спор прекратился барабанным гулом, резким высвистом флейт и медным звоном.

– Мощный бык Черной Земли. Повелитель Двух Земель. Великий Храм Немтиемсаф жизнь, здоровье и сила!

Все золоченое сообщество распростерлось на плитах пола, встречая живого бога.

И бог явился, медленно и торжественно ступая под сенью широких опал, в сопровождении булавоносцев. Словно вновь вернулся прежний владыка, но не тот, что еще так недавно сидел на троне, а тот, чьи рельефы украшали храм горизонта Пеопи Нефрика-ра, где он был силен, велик, могуч и молод. Широкие плечи развернулись, обвисшая кожа натянулась, и под ней перекачивались тугие, мощные мышцы. Будто вновь пришел прежний владыка из Чертога Двух Истин, вернулся возрожденным к земной жизни.

Владыка поднялся по алебастровым, словно подсвеченным изнутри, ступенькам к трону и некоторое время сидел молча, пока звучала торжественная музыка.

– Достойные мои слуги и слуги земли нашей, отмеченной богами. Великий наш властитель и мой отец, Нефрикара-Осирис, ушел в свой горизонт для жизни вечной, закончив свое славное столетнее правление. Подобный срок есть без сомненья знак богов. За этот срок страна наша жила счастливой жизнью, без бедствий, без голода, без войн, процветая и богатея. Но и уход великого Нефрикара-Осириса в свой горизонт тоже есть знак богов. Знак того, что далее так жить уже нельзя и отныне жизнь пойдет по новому витку. Встаньте все. Все вместе будем держать совет, а после слушать мою божественную волю.

По залу прошло движение-все поднялись с пола и встали в рост.

– Итак, великий джати, ведающий тайны неба, что скажешь ты о положении в стране?

– Повелитель, положение не хуже и не лучше, чем за предыдущие все годы. Народ работает, налоги собирают.

– В одном с тобой почти согласен, с небольшой поправкой – положение не лучше, а намного хуже. Народ работает, вот это верно! но из последних сил. Налоги собирают, верю и в это, вопрос лишь в том, чтобы найти то место, где они собрались. По-крайней мере я, – Меренра приподнял свитки папируса, – нашел лишь легкие следы налогов и их уже стирает ветер. Но, думаю, я все же поохочусь на налоги, пора на них уже устроить и облаву – уж очень хочется узнать, в какой норе они устроились на отдых. Теперь, великий храм войны, ты, что нам, своему государю, скажешь о войне?

– Государь, я скажу как есть – война уже стучится в двери, а если точнее, она вошла вообще без стука.

– А если это так, то почему ты, Нутерхопер, зовешься – Великий Храм Войны?

– Прости, мой государь, но не могу, же я отбить врага силой своего лишь сеп. А владельцы прочих сорока – воинов дадут лишь по приказу повелителя Двух Земель.

– Такой приказ они получают. А что наемники? Мы их, зачем все эти годы кормим? От голода «не ведающие вещей» простолюдины пухнут, разве для того чтобы бездельники распухли от безделья?

– Использовать наемников кушитов в войне против кушитов я не считаю хорошей идеей. Ее я не считаю даже и плохой.

– Не согласиться с этим трудно, но кушитов можно использовать здесь в Нижней Стране против техенну, хериуша, шасу и прочего сброда из пустыни. А за вратами Юга сгодятся и техенну, но этим дела не поправишь и проблему не решишь. Необходимо собирать свое войско из коренных роме. Мы же завоевали и юг, и север, и запад и восток своими силами. Пора

нам уже вспомнить славные деяния отцов наших и дедов и о том напомнить остальному миру. У кого какие мысли? Ну, высшие советники, явите мне какой-нибудь совет.

Вперед вышел великий видением.

– Повелитель, если ты решил вести войска, то мы, рабы богов, будем ежедневно возносить молитвы о твоей победе. Я лишь хочу тебе напомнить, что следует перед походом тебе избрать себе супругу. Для преемственности поколений и продолжения рода крови Гора. Военная удача переменчива и не стоит рисковать преемственностью наследников рода Гора. Род владык Черной Земли должен продолжаться!

За пределами зала возникли звуки какого-то незапланированного события и через несколько мгновений...

– Царевна! Царевна, ради всех богов, остановись! Туда нельзя-а-а-а. – вскричал кто-то с отчаяньем нежелающей забеременеть девушки.

В тронный зал вбежала длинноногая девочка-подросток, с густой гривой волос, с косой заплетенной у левого виска, с вплетенными, у ее загнутого вверх конца, разноцветными шнурами, девочка весело оглядела сановников и фыркнув, очевидно найдя это зрелище весьма забавным, понеслась к трону повелителя.

За ней с хриплым вяканьем бежал небольшой львенок. Прочие сопровождающие в ужасе распростерлись ниц перед входом. Девчонка, словно белая цапля, пролетела по залу, легко цокая, золотыми сандалиями и припав на одно колено перед повелителем и, протянув к нему руки, произнесла торжественно:

– Живи же вечно, о мой повелитель Двух Земель, жизнь, здоровье тебе и сила! Прими приветствие твоей царевны Нейтикерг!

Торжественность момента была обильно сдобрена хихиканьем царевны и львенка, догнавший, наконец, ее и игриво напавший, торжественность еще больше разрядил. Царевна подхватила его на руки, еще раз оглядела зал, еще раз фыркнула, и уселась на стоящий рядом трон, чуть пониже трона властелина Черной Земли.

– Великий мастер, как учится наша царевна? Говори прямо, не скрывая недостатков.

– У царицы большие способности, а так же очень много недостатков, которые со временем перерастут в великие достоинства.

Повелитель ненадолго задумался и продолжил.

– Великий видением, я взял в слух твои слова и нахожу совет такой разумным. Поскольку моя супруга ушла до срока своего в страну Заката, впрочем, не нам судить о деяниях богов, то я решил взять себе в жены последнюю носительницу божественной крови Гора, последнюю из рода царя скорпионов – царевну Нейтикерг!

В зале наступила тишина и на некоторое время случилась ситуация в дальнейшем наименованная «немой сценой». Только глаза царевны Нейтикерг сильно округлились и она, повернувшись к владыке, спросила удивленно:

– Пап, ты чего?!

– О, дочь моя, – тихо сказал повелитель, – посиди немного тихо и чуть-чуть молча. Ну, хотя б одно мгновенье.

Царевна приняла ритуальную позу, сделавшись каменно-неподвижной и начала медленно краснеть, а Меренра продолжил уже громко:

– Во всей Черной Земле мне не найти более достойную и знатную супругу – нет никого знатней ее и благородней! Кого же богу взять в супруги, как не богиню!? Повелеваю, с этого момента считать ее моей женой с присвоением титула Священная Супруга Бога. Теперь, поговорим, о прочих делах государства...

В этот момент Священная Супруга Бога, ставшая уже пунцовой, прыснула, закрыв лицо ладонями и согнувшись, засмеялась, найдя в сложившейся ситуации какой-то юмористический

момент, не видимый всем прочим, а львенок с громким урчанием принялся вылизывать ее ладони.

– Так вот о делах государства. Думаю всем давно уж ясно, что государство, если не на краю гибели, то движется к нему, и нам придется предпринять экстренные меры для прекращения этого движения. Меры строгие и не совсем приятные, но необходимые, и я верю, что все вы их примете со смирением и пониманием, в свете текущего момента. Отец мой, Осирис-Неферикура, за свою длительную жизнь раздал вам многие блага, теперь настало время отплатить своей земле за многие года благополучья и достатка. Итак, повелеваю: служители богов и храмы их на долгий срок были освобождены от всех налогов, а земли их, за это время, многократно возросли и унесли из государства многие достатки – отныне храмы налог должны платить наравне со всеми.

По залу прошла волна шепота, все переглядывались. Нутерхопер весело подмигнул великому видению. Тот вышел вперед.

– Прости владыка, никак я не могу сего одобрить. Черная Земля принадлежит богам – как можно забирать их достоянье?

– Святой отец, не у богов я забираю, а у людей, над коими поставлен править, как раз теми самыми богами. Ваше же дело – возносить богам молитвы, а не считать богатства, для этого у нас, в Черной Земле, есть казначеи. Кроме того, я ничего еще не забираю, а лишь требую платить налоги, а земли, что дарил вам мой отец, так у вас и остаются. Далее. Владельцы сепов! Пора бы вам уж вспомнить, пока я сам вам не напомнил, что области вам даны для управления, а не для собственного обогащения и возвеличивания. Где поступления в казну? Где рабочие для государственных работ? Где воины для войны? Где все это и где все остальное, государственные вы мои?

Глава вторая. Дочь и Священная Супруга

– Встаньте, друзья мои, встаньте! Я вас позвал не приказанья отдавать, а обсудить все в дружеском кругу.

Меренра лежал на ложе с кубком в руках, рядом с ним расположились две девушки – синеглазая с соломенными волосами и кареглазая, смуглая брюнетка.

– Но что это вдруг случилось у вас у всех с лицом? Куда ж они у вас так сразу подевались? Такую кислую гримасу, назвать лицом даже не поднимется рука. А ну-ка располагайтесь рядом, сейчас попробуем умыться вином вот эти рожи, может быть, случится чудо и снова станут лицами они. Итак, в чем дело?

– Этот твой указ о, повелитель...

– Повелитель остался в тронном зале, а здесь, надеюсь, собрались друзья.

– Если друзья, то мы как раз надеялись, что, хотя бы нас, по дружбе, ты освободишь от такого бремени. А мы с тобой тогда бы твердо встали рядом, и все задуманное претворили в жизнь.

– Аханахт, как раз-то именно по дружбе, я буду требовать от вас более, чем от всех других, и от себя я требую не меньше, зато и награждать вас буду больше, чем всех прочих. И с большим удовольствием, уж мне поверьте.

– Прости, но ты требуешь от нас того, что нам досталось от отцов.

– А им досталось все от моего отца. Да, за заслуги. За ИХ заслуги, но не за ваши! А у нас всех, и у меня, в числе всех прочих, пока заслуга лишь одна – мы родились детьми отцов великих. И это не такая уж великая заслуга. И не моя совсем и совсем не ваша. Это, конечно, честь, но та, которую еще надо заслужить. Так вы и далее хотите стоять на плечах гигантов и величаться незаслуженными деяниями, или всему миру показать, что выросли достойными прежней славы Хирхуфа, Уны, Пепинахта, Тети, Джада и Хеви?

– Может, все же облегчишь нам, своим друзьям, бремя налогов?

– Хнемредиу, ну что за детский разговор. Кто много даст тот и получит много, гораздо более того, что дал. Грядет война, нас ждут великие сраженья, подвиги... ну и добыча тоже. Все вам будет: и земли новые, и тучные стада, и толпы пленных, и черномазые красотки. – Меренра засмеялся и запустил руку в соломенные волосы лежащей рядом подруги.

– Священная Супруга Бога к своему супругу!

Вошли совсем юные девушки с инструментами и встали по обе стороны от входа. Флейты засвистели нечто мечтательное, от арф легко полетели по залу прозрачные волны.

Из темноты предыдущего зала к свету двинулась худенькая, хрупкая фигурка, девушки-подростка. Входя в зал, она спотыкнулась и покраснела.

Гости поднялись, поклонились повелителю и направились к выходу, поклонившись так же и Священной Супруге.

На Нейтикерт была белая полупрозрачная юбка с двумя бретельками, крест-накрест пересекающими грудь. Ухнули барабаны, меняя ритм и темп мелодии. Нейтикерт резко двинула бедром вправо и пошла в ту же сторону, волнообразно изгибая тело и извивая руки. Бедра резко и несколько угловато задвигались в обе стороны, затем закрутились кругом, руки взлетели вверх, танцовщица встала на цыпочки и закрутилась на месте, продолжая вращение худыми бедрами. Затем маленькая царица повернулась лицом к супругу и пошла медленно вперед, перенося вес с одной ноги на другую, плавно шевеля бедрами и играя мышцами живота. Живот то втягивался полностью под ребра, то быстро-быстро двигался взад-вперед, то перетекал волнами, то вообще перекручивался жгутом мышц. Худенькая фигурка изгибалась с грацией лозы, откидывалась назад, почти касаясь затылком пола, вращала телом как пращей, волосы ее словно трепал ураган, а обнаженная, едва наметившаяся грудь, не двигалась.

Если женственности маленькой танцовщице еще явно не хватало, тем более она весьма смутно представляла что это такое, то в гибкости и в акробатике она могла дать фору многим. В конце концов, растанцевавшись она ходила колесом, стелилась по полу, извиваясь как змея, кувыркалась через голову, подкрадывалась, плавно изгибаясь словно кошка, блестя глазами сквозь занавес растрепавшихся волос.

Наконец она, видимо, вспомнила, что у нее, сегодня, брачная ночь и танец должен быть все же эротическим, а не акробатическим и замерла перед своим супругом вытянувшись на цыпочках, с поднятыми руками, выгнутыми в стороны кистями, наподобие змеиных голов и продолжая играть животом.

– Имтес, Хететенка, – обратился Меренра к девушкам, насмешливо смотревшим на танцующую девочку, – оставьте нас наедине с моей супругой.

– Может, лучше нам все же остаться? Глядишь, мы и поможем Священной-то Супруге каким-нибудь советом, на случай если опыта любовного ее чуть-чуть не хватит. Да и вообще было любопытно бы взглянуть...

– Да, – поддержала Имтес Хететенка, – Может быть священной супруге помочь вставить, что-нибудь куда, а то глядишь...

– А ну-ка брысь, злые кошки, без разговоров! Моя прекрасная супруга и ваша царица вам сама еще советами поможет. Посмотрели на ее прекрасный танец и с вас довольно. Брысь, брысь и брысь!

Меренра шлепнул каждую по заднице и аж по два раза и те, фыркнув и ехидно взглянув на Нейतिकерт, с неохотой покинули зал. Меренра поманил дочь-супругу пальцам. Та затрясла головой с растрепавшимися волосами. Еще раз поманил.

– Нет. – опять тряхнула Нейतिकерт волосами, по-прежнему стоя перед супругом на цыпочках и с поднятыми вверх руками.

– Почему же нет, жена моя она же и Священная Супруга?

– Боюсь.

– Чего же боится моя дочь и моя супруга?

– Я тебя сейчас боюсь. Ты так на меня смотришь..., как никогда еще не смотрел. Мне... мне страшно. В твоих глазах неведомое мне до селе чувство.

– Бояться тебе совсем не стоит дочь моя, женщина наделена огромной силой и, с таким оружием, ей нечего бояться. Тебе, просто, надо им пользоваться научиться.

– Ах, ну если так, то я, пожалуй, подойду. Любопытно же узнать, что это за такая неожиданная сила. И где там она у меня притаилась. В каком конкретно месте?

Девочка-царица изогнулась, скользнула к ложу и поползла по нему на четвереньках, изображая дикую кошку и, чуть склонив голову, смотрела Меренра прямо в глаза большими темными и смущенно-любопытными глазами, старательно пытаясь изобразить подобным взглядом любовную игривость. Или снедающее вожеленье.

Она подобралась вплотную, потерлась носом о нос отца-супруга, затем выпрямилась и стоя на коленях сказала:

– Пап, ну, честно сказать, я дальше и не знаю, что надо жене делать. Все так неожиданно случилось. Я ничего узнать-то и не успела.

И после некоторого раздумья добавила:

– Может, стоило оставить одну из этих? – малолетняя царица небрежно пошевелила пальцами. – Они бы мне говорили, а я б все сделала как надо. Ну, чтобы стать женой нормальной. Что там куда вставлять? Подскажи мне хоть немного, что там дальше, я пойму, я вообще-то и совсем не дура.

Меренра, наконец, рассмеялся и обнял дочь-жену.

– Все, все, все, все, дочь моя, ты все уже сделала как надо: вошла в спальню, станцевала мне любовный танец, возлегла на ложе и завтра утром выйдешь для всей Черной Земли моей женой и царицей Двух Земель и Супругой бога. Священной Супругой.

– У-у, так это по-нарошку, как игра? – спросила Нейтикерт то ли с облегчением, то ли с разочарованием.

– Нет никакой игры, жена моя, ты теперь моя жена – ты теперь – Супруга Бога.

Нейтикерт уселась на ложе, скрестив ноги и внимательно глядя на отца.

– Пап, ну ты чего со мною, будто с дурочкой, я точно знаю, что мне еще что-то надо сделать, ну, как жене. Да, вот! – неожиданно вскрикнула она. – А если это ВСЕ, что требуется от жены, то от ЧЕГО тогда у меня, у нас, появится ребенок? Уж не от танца ли любви? Ты что думаешь – я вот такая маленькая глупая девчонка, что ничего и не соображаю?

Нейтикерт подозрительно смотрела на отца.

– Если я жена, то я должна рожать! А от чего!? – царица свела и так сросшиеся брови. – От просто так? Ну-ка, рассказывай, что делать надо? Быстро, я сказала! – царица шутливо и угрожающе растопырила ладонь над лицом царя – отца – супруга. – А то щас! Как дам!

– О! – удивился не на шутку Меренра, – Ну, хорошо же, хорошо! Эту таинственную тайну я тебе сейчас открою. Что бы у нас с тобою появились дети, – нам нужно лечь рядом, обнять друг друга, очень крепко, и... и заснуть!

– Ой, пап! Ну, ты же врешь! Ты врешь, врешь, и врешь! Я чувствую, что врешь ты все мне! Ну, как не стыдно! Врать! Вот смотришь мне в глаза – и врешь! Ты думаешь, я не могу отличить правду от вранья? Меня же великий мастер обучает! Я же ведь совсем не дура.

– Так, жена моя, давай договоримся так – когда ты будешь точно знать, что все это не так, как я сказал, или, что собственно одно и то же, будешь точно знать, как это нужно сделать, мы тогда к этому разговору и вернемся. Ну, а пока мы все сделаем так, как я предложил.

– Ну-у-у, хорошо. – сдалась Нейтикерт и змеей скользнула к отцу. – Значит, лечь рядом. Теперь обнять. Затем заснуть. Вот как бы мне опять не перепутать.

Нейтикерт улеглась рядом и, обняв Меренра, положила подбородок ему на грудь, внимательно глядя черными глазами. Глаза ее были непропорционально большими, просто огромными, на детском лице и производили странное впечатление. Смешливое детское личико и тяжелый взгляд необычайной силы. Два источника наполненные темной переливающейся влагой готовой хлынуть через край.

– Дочь моя, ты скоро вырастишь в прекрасную богиню.

– Ох, пап, что-то как-то очень не похоже. Пока что я уродиной расту. Не понимаю – почему ты, из всех прекрасных женщин Черной Земли, взял себе в жены такую страхолюдную страшилую. Я же вылитая обезьяна. Нос, уши, губы – как-то все наружу, глаза, еще вот эти, как тарелки, и еще я длинная, костлявая, худая. На этого похожа... на как его... на богомола! Вот!

– Ты, только что сказала, что на обезьяну.

– Ну, на богомолую обезьяну. Или на обезьяновую богомолу.

– Просто, прекрасная моя супруга, ты смотришь на себя не с той стороны с какой надо. – засмеялся Меренра нажимая пальцем на нос Нейтикерт. – Ты самая прекрасная из женщин, что я видел.

– Скажешь тоже, куда мне до Хететенки (вот классическая красота) или до Неферханебты, вот классическая натура! Или, скажем, Имтес. У нее такие сиськи! У-у-ух! Мне даже страшно! Какие они у нее ого-го-го!

– Имтес просто очень красива, а ты прекрасна.

– Ой, пап, ну хватит врать! Если я дурнушка, то это еще не значит что я дура. Так что говори – зачем ты это сделал? Я хочу услышать, что в этом случае женщинам говорят мужчины. И вообще, – все это как-то странно. Ты не находишь?

– Что же тут странного – таков наш древний обычай. – отцы берут себе в супруги дочерей, – кровь Гора очень ценна, чтобы разбавлять ее посторонней кровью. Мы, наш род, крови Гора, обречены на это. Все браки – только внутри семейства.

– Ну да, обычай. Я это понимаю. Не это странно.

– Что же?

– Вот я твоя дочь. Плоть от твоей плоти и я люблю тебя как дочь, то есть ты для меня первейший из всех мужчин возможных. Почти что бог. Никто тебя в моих глазах не превзойдет ни мужеством, ни красотой, ни умом. Я не вижу у тебя ни одного изъяна. Я могла бы полюбить земной любовью кого-нибудь из прочих, но, то не та любовь, что сейчас в моей груди переполняет мою сущность. Я даже и не мечтала, что можно соединить любовь ту и эту. И именно сейчас я понимаю, в чем наше отличие от смертных – это божественное чувство совершенной любви, прочим смертным недоступной. Одно мне непонятно – как можешь ты такой красивый, сильный и могучий бог, любить такую длинную, худую и костлявую богиню? У тебя есть наверняка какой-то план. Какой? А ну-ка, говори!

– Хорошо, я поясню моей божественной супруге, для чего я все это сделал. Так уж у нас получилось, что мы с тобою, дочь, последние потомки Гора, с божественной кровью в наших венах. И кровь эта, передается более по женской линии, чем по мужской.

– Я это знаю, ну и что? – взгляд царицы несколько насторожился.

– Мои дети от посторонней женщины права на трон Черной Земли, конечно же, имеют, но в меньшей степени, чем твои, даже от постороннего супруга.

– Почему от постороннего? – царица насторожилась еще больше.

– Ну, если вдруг, со мной что-нибудь, да и случиться, то ты уже Священная Супруга и соправительница Мощного Быка, то есть с этого мгновенья законная правительница, а не просто имеющая права на это.

Нейтикерт отпрянула и села на ложе прямо.

– Так ты... ты все хорошо так рассчитал... и для меня... и для себя... и для нашего потомства..., но,... но, ты не по любви на мне женился! Да как ты мог! А я-то дура... вот ведь дура! Так тебе и надо дурная дура! Ну и дурища же! Какая же я дура! Папа! Я тебе дам сейчас увесистую оплеуху, за надругательство над чувствами непорочной девы и над... над... над этим... убью, короче!

Меренра огромным усилием воли загнал внутрь рвущийся наружу смех и для верности закусил до крови губу, сохранив все же очень серьезное выражение лица. Он тоже привстал и притянул к себе начавшую сопротивляться дочь.

– Я дура, дура, дура! – Нейтикерт неистово извивалась в объятиях собственного отца. – Я самая что ни на есть дурища из дурищ, из всех возможных дур! Я ведь на миг единый вдруг подумала – ну пусть я страшненькая и пусть я некрасивая, но вот он, отец мой, меня на самом деле любит, ибо ему-то начхать, какая есть я на самом деле. Я подумала, еще подумала, что если кто и меня полюбит, такую страшную чувырлу, то только ты и более никто на всем свете. И когда ты сказал, что возьмешь меня в жены, я вдруг подумала, надежда у меня проснулась, ты понимаешь, или нет, какая надежда у меня вдруг вспыхнула, – вот, он, единственный, кто меня на самом деле любит. И, не важно, для него совсем – какая я есть на самом деле – он меня любит просто потому, что я на свете есть. Вот я такая и он такой меня и любит! Ты, что же думаешь, я без любви бы согласилась? Я лучше б умерла. Пусти меня! Убери руки, я сказала! Убери их на фиг! Я тебе не кукла, а будущая царица Двух Земель! Какая бы не была страшная уродина, но я царица! Буду ей! Убери ручонки на хрен! Я тебе рожу раздеру! Глаза выщарапаю! Нос откушу! Исцарапаю, да самой смерти! Ненавижу и убью!

– О, дочь моя, ну дай же вставить мне хоть слово! Слушай, – Меренра был вынужден хорошенько потрясти свою Священную Супругу, иначе никакая информация не дошла бы до закусившей удила царицы, – и запоминай надолго, желательно, чтоб навсегда – из всех жен-

щин Черной Земли я ни кого сильнее тебя любить не буду. Это такая же истина, как завтрашнее возрождение Хепри. Ни одна из женщин не будет значить для меня больше ни на фалангу пальца, да что там больше – никто не будет по сравнению с тобой хоть что-то для меня значить. И с чего взяла моя супруга, что она страшненькая!? Да, ты прекрасней всех на свете! И еще прекрасней будешь! Я не видел никого достойней называться земной богиней!

Некоторое время они сидели на ложе молча. Царевна сведя к переносице черные брови чуть слышно сопела, надув и так объемистые губы.

– Правда? – недоверчиво взглянула прямо в душу маленькая царица. – Опять наверно врешь.

– Клянусь Священной Девяткой! – твердо не соврал Меренра. – Вот это – Правда! Я клянусь!

– И другой жены, кроме меня, у тебя не будет?

– Ну, у повелителя, вообще-то существует целый гарем..

– Клянись, что другой жены не будет! – закричала Нейимкерт.

– Клянусь!

– А вот эти две? А остальные? Кто тогда такие? А? – приступила к первому допросу маленькая царица.

– Ну, они, все и Имтес, и Хетитенка, и Неферханебта и все прочие другие просто мои подруги. Они иногда мне сильно помогают, а иногда и... гадят. Такие же, подруги, как есть и у тебя. Ты хочешь их прогнать?

Нейтикерт несколько задумалась и решила:

– Ну, ладно, если это называется подруги, то пусть остаются. Но мои подруги мне не гадят. Иначе бы я их очень быстро... ну, да это ладно. А мне больше не будешь подсовывать постороннего супруга?

– Все будет так, как моя царица пожелает.

– Да, твоя царица так желает. И, напротив, не желает слышать о всяких посторонних детях и уж тем более о посторонних супругах. Царица так все понимает, что их общие с царем, с тобой, дети как раз и имеют все неоспоримые права на трон, а не половину или какую еще часть, от целого всего. Так что ложись обратно на наше супружеское ложе и я с тобою рядом, как ты и говорил и будем ждать, когда все то, что значит это всё, что Птах-творец, нам завещал, произойдет.

Нейтикерт вновь положила подбородок на грудь Меренра, вновь прикусившего и так искусанную губу. Благополучно закончившая первую семейную сцену, Нейтикерт долго лежала молча, возможно ожидая, и стараясь не пропустить, момента зарождения в себе новой жизни. Наконец, посмотрев в глаза Меренра, сказала:

– Пап, ты не расстраивайся, уж очень сильно, что на страшненькой такой женился. Я вырасту, и может, еще буду ничего себе. Так ведь бывает?

– Вот в этом я уверен абсолютно, осталось только и тебе поверить. Ты вырастешь в красавицу, не уступающую всем богиням, в этом нет сомнений.

– Ага, ну хорошо, а большие сиськи, не такая уж и божественная красота.

– Ну-у...

– Нет, не красота! Это уродство!

– Да, но приятное уродство.

– Уродство! А ну не спорь со мной! – у всех богинь небольшие груди!

– Да-да, конечно! Бедная Имтес! Как мне ее жалко! А богиня Нейт или Нефтида? У них ведь там ого!

– Теперь, знаешь, я кое-что хочу тебе сказать, но не про сиськи, а совсем наоборот, потому что мне как-то беспокойно и большие или маленькие сиськи здесь совершенно не при чем.

- Я слушаю мою супругу.
- Вот эти твои друзья... они сейчас мимо меня проходили и...
- И что друзья? Наверное, смотрели на тебя во все глаза? На нашу-то, земную богиню.
- Ну, да, они смотрели. И еще как! Они смотрели так, что у меня даже вот здесь, в сосках, зашекетало, ой, и не только там и еще в одном месте,... но я, вообще-то, не о том. Я тоже на них посмотрела и знаешь, меня обучил этому великий мастер,... иногда через глаза человека можно увидеть его Иб – душу-сознание, а сквозь нее можно увидеть дальше, глубже, – душу-смысл, коей наименование так же – Иб.
- Дочь моя, я даже не знаю, что будет ярче у тебя твой ум или красота твоя.
- Да избавят меня боги от ума подобного такой вот моей красоте. Но я еще не все сказала, дальше слушай.
- Весь обратился в слух.
- Понимаешь, можно обмануть кого угодно, можно скрыть от всех, и от всего, любые мысли, но невозможно обмануть, и что-либо скрыть, от собственного Иб. От своей собственной души-смысла. На этом основана вся наша вера! На этом основан мир! Ложь рано или поздно наружу вылезает! И чем позже, тем для солгавшего хуже.
- Да, я знаю, Иб отмеряет меру добра и зла в человеке и на суде бога мертвых Инпу рассказывает только правду.
- Ну, да, это знают все, но далеко не все могут увидеть Иб через глаза живого человека. Так вот, Иб никогда не врет и отражает только то, что есть, при чистых помыслах оно легко прозрачно и сияет чистотой, тогда, сквозь него, можно увидеть в глубине сущности и душу-смысл.
- И что же?
- Я взглядом встретила с Аханахтом... там у него... там мрак, как черный от пожара дым. Ничего не видно.
- Нейтикерт, Аханахт, мой друг из лучших, просто он расстроен необходимостью делиться своим имуществом с казной. Он, скажем так, не очень щедр, а Хнемредиу и вовсе скуп, вот у него наверно мрак в глазах и почернее будет. – засмеялся Меренра.
- О, мой отец, ты не понимаешь – расстройство от потери не есть намеренье, оно на Иб никак не отразится. Это всего лишь чувство. Иб изменяется от умыслов, хороших и дурных. А его умыслы настолько темны, что в них утонула и исчезла душа-смысл. Мне даже показалось, что у Аханахта ее просто...
- Что?
- У него ее просто нет, а ты знаешь, что это значит?
- И что же, моя многомудрая супруга? Скажи мне, посоветуй.
- Это означает потерянную сущность человека. Хочешь моего совета? Советую, – отец, мой, супруг, мой, о, мой любимый! – они НЕ ЛЮДИ! Умоляю, – берегись ИХ!

Царица (теперь уже царица) сидела в беседке увитой виноградной лозой, расположенной в садах у северной оконечности древнего многоярусного дворца Царя Скорпионов.

Вначале дворец служил крепостью и был построен в далекой древности из обожженной глины. Затем его многократно достраивали используя и глину и камень, а затем окружили его огромной стеной из белого моккамского известняка и с того момента место это стали именовать – Инебу Хедж, то есть Белая стена. За стеной кроме ступенчатого дворца находился храм Птаха, по имени которого и был назван город ставший столицей Двух Земель – Хет ку Птах. Дом души Птаха.

Дворец окружали сады с множеством беседок, павильонов, прудов и прудиков. Огромные ливанские кедры с плоскими вершинами закрывали от палящих лучей солнца. Стройные,

аккуратные можжевельники, росшие по бокам аллей, вносили струю свежести в густой аромат цветущих миртов, смоковниц, олеандров, роз и белых лилий.

Нейतिकерт, высунув кончик языка, старательно переписывала текст со жреческого письма на священное. То есть причудливые змеистые линии иератического письма, используемого для переписки, необходимо было превратить в фигурки зверей, птиц, гадов и людей, ибо только таким письмом можно было делать записи на стенах и колоннах храмов и дворцов. И на долгие тысячелетия ввести в заблуждение потомков, считавших, что это не письменность, а изящно выполненный орнамент.

Однако царице постоянно мешали и отвлекали всяческие обстоятельства.

Влетел языкан, насекомое вдвое больше шмеля, так энергично машущее крыльями, что их и видно не было. Казалось, языкан чудесным образом передвигается по воздуху, причем, и боком, и передом и задом. Зависнув над огромным соцветием цветов тамариска, стоявшим белой свечой вверх, он длинным хоботком проверил все цветы до единого и боком переместился к следующему.

Затем на папирус свалился богомол и повертев маленькой головкой почтительно сложил перед царицей лапки.

– Правильно, – одобрила его действия Нейतिकерт, – падай ниц перед своей царицей.

– Падаю по семь раз на живот и спину перед Священной Супругой.

Священная Супруга подняв брови обернулась.

У входа в беседку уткнулся лбом в землю слуга.

– Ты отрываешь меня от важных дел. – строго сказала Нейतिकерт.

– Воля Мощного Быка Черной Земли, супруга Священной Супруги прислала меня к ногам Священной Супруги.

– И что ты должен делать тут у моих ног?

– Великий Храм, своей супруге дарит свадебный подарок.

– Подарок? – заинтересовалась Нейतिकерт. – И где же он? Давай же его мне.

– Подарок там. – слуга показал за спину. – Это несколько игрушек для увеселения сердца Священной Супруги.

– Пф! – фыркнула царица. – Я уже давно замужняя дама. Зачем же мне игрушки?

– Если Священная Супруга выйдет из беседки она сразу поймет смысл подарка.

Еще раз фыркнув, Нейतिकерт вышла на порог павильона.

Перед ней, на лужайке у павильона, рядом с прудиком, в котором цвели белые нимфеи и синие лотосы, стояла группа десятка в два девочек. Три черноволосые, темноглазые египтянки с оливковой кожей, шесть золотоволосых, синеглазых техенну (ливиек) и с дюжину почти фиолетовых негритянок с волосами заплетенными в сотни косичек.

Некоторое время происходило то, что впоследствии назовут немой сценой. То есть ничего не происходило. Царица смотрела на девочек, а те на странную девочку с огромной гривой черных волос, глубокими почти черными глазами, сросшимися бровями одетую в белое просвечивающее платье тончайшего льна и сверкающее золотыми искрами при каждом движении или при дуновении ветра. Девочка это стояла меж двух розовых кустов, а перед ней росли белые лилии и красные маки.

Египетские девочки почтительно сложили руки на груди крестом и склонились в поклоне. Ливийки прижались друг к другу. Негритянки тоже сбились в кучу.

Неожиданно из группы негритянок вышла совсем маленькая девочка, пожалуй, лет шести – семи и осторожно подошла к Нейतिकерт, глядя на нее зачарованными глазами.

– Ты возьмешь нас в страну Уэрнес? – спросила пигалица.

Нейतिकерт с веселым недоумением посмотрела на девочку и сказала:

– А не рано ли тебе? Страна Уэрнес находится в царстве мертвых.

– Но ты же богиня. Пожалуйста, возьми нас.

- Откуда у тебя такие мысли?
- Нам сказали, что мы будем рабынями богини. Ты, наверное, сама Хатхор?
- Мне не нужны рабыни. – царица сдвинула брови. – Они подлы и ненадежны.
- Я не увижу Уэрнес. – прошептала пигалица и, повесив голову, пошла обратно к подру-

гам.

Все девочки повернулись и поплелись по аллее можжевельников прочь.

– Куда их денут. – спросила Нейтикерт у слуги.

– Воду будут носить для полива, а тех, что посмазливей, отдадут в наложницы вельможам, о, Священная Супруга.

– Стойте! – крикнула Нейтикерт.

Она словно золотая молния пронеслась по аллее и, догнав девочек, повторила:

– Стойте. Я беру вас. Как тебя зовут маленькая девочка?

– Обычно «дрянь», а иногда «паскуда».

– А тебя?

– «Эй ты, рожа».

– А меня «черная морда». – доверчиво сказала третья негрityанка.

– А я «тварь из пустыни». – сообщила ливийка.

– А я «утеха гамадрилов».

– «драная коза» – представилась очередная.

Царица замахала руками и расхохоталась:

– Довольно, хватит, хватит! Наверное, вы заслужили имена подобные трудом упорным.

Но мне рабыни не нужны и вы будете... вы будете... ага! Вот вы, – царица показала на трех египтянок, – вы будете времена года: Разлив, Засуха и Жатва. Вы, девушки-техенну, будете теперь совсем не «козами драными», а сторонами света – Восток и Запад, Юг и Север, а также Небо и Земля. А вы, поскольку, вас двенадцать отныне не «морды черные», а месяцы года – Техи (июль), Паофи (август), Харир (сентябрь), Хойак (октябрь), Тиби (ноябрь), Мехир (декабрь), Фаменот (январь), Формути (февраль), Пахон (март), Паини (апрель), Эпифи (май), Месоре (июнь). Вот я и свершила первое божественное чудо на земле – вы отныне не рабыни.

Все девочки опустили на колени, затем распростерлись на земле и подползли к Нейтикерт целуя землю у ее ног и шепча:

– О наша богиня, мы никогда не огорчим тебя, мы все сделаем, что ты прикажешь, мы будем верны тебе как собаки.

– Ну, начинается. – усмехнулась царица.

Эта, не очень то, значительная сцена, тем не менее, оказала роковое действие на многие последующие события. Если бы маленькая царица не кинулась вслед за девушками, история царицы выглядела бы несколько иначе. Не так ужасно, но и не так величественно.

Глава третья. Царские друзья

– Ну, так и что со всем вот этим делать? Молча утираться?

– Я все же думаю, что он так сделать не посмеет.

– Как это не посмеет, что за еще за лепет. Уже посмел. Уже пошли писцы по сепам считать где, что, у кого и сколько. Смотрителей двух житниц и Красной и Белой палат поставил новых. А какое он имел право, ведь эти должности давно уж передавались по наследству.

– Так он и нас поставил казначеями царя и бога, хоть среди наших родов таких пока что не бывало.

– Ну, мало ли. Мы ж все-таки друзья с детства.

Не вовремя сказанная фраза принесла на своем хвосте тишину и заставила всех переглянуться, а затем долго смотреть в сторону.

– Подачка. – нашелся наконец ответ и стало вроде легче. – Титул, пустой звук за который мы должны делиться имуществом семьи, нажитым за столетия труда.

– Да, да, у нас и у самих на это нету права – мы все это сохранить должны для детей и внуков и следующих поколений.

– Конечно, в этом и есть смысл нашей жизни. Мы все должны защищать любой ценой. Стало совсем почти легко.

– Так. И что же делать?

– По-моему и без вопросов ясно.

– Нет, это невозможно! Вы, что совсем уж очумели? Это же бог Черной Земли.

– А у нас есть еще какой-то выбор?

– Попробовать еще раз договориться. Все объяснить как есть. Предупредить.

– Договориться? Ой, как смешно! И как это будет выглядеть на самом деле? Отстань от нас, о, Повелитель Двух Земель, а то... Ты сколько после этого рассчитываешь прожить? Не знаешь? так я тебе скажу – ровно столько, сколько живет на кол посаженный бедняга, то есть не очень недолго, но зато в больших мученьях.

– Как это все... тьфу, что ж за жизнь такая! Эх, где ты наш владыка Осирис-Нефрикара, Пеопи! Зачем так рано нас покинул! Еще б пожил немного. Вот бы случилось все наоборот – папа оттуда, а сынок туда.

– Вот-вот. Это ближе к теме.

– А что, великий джати с нами?

– Как обычно, – полу с нами, полу нет. Но горевать не будет – это точно.

– Ему-то что, «владеющему тем, что есть и тем, чего нет» и «созерцающему тайны неба»?

– Да он так сильно овладел тайнами за эти годы, что, «то, что есть», к нему намертво прилипло, а в казне осталась только вторая половина и, если владыка его хорошо потряхнет, то тайны неба он будет созерцать из какой-нибудь шахты, оперевшись для удобства на кайло или на лопату.

– А как же Нутерхопер? Он опасен.

– Да, с этим не договоришься. Но, против, тоже действовать не будет.

– Не выдаст?

– Он, собственно-то, ничего не знает, так, может, догадывается смутно. Кроме того, его владыка не сильно-то и любит, а посему и не поверит. И Нутерхопер об этом знает. Он же не дурак.

– Ну, а как все это... э-э-э... случиться?

– Да, вот намечается война с техенну. Весьма удобный случай. Мало ли, что там, на войне произойдет, ведь всякое бывает. Не так ли?

– А что там может случиться? Он надаёт этим техенну и в хвост и в гриву, так что надолго запомнят. Да и будет постоянно в окружение воинов.

– Так воины в основном-то наши. А с техенну надо бы тайком снести.

– Ну, так тому и быть.

Носилки с достойными вельможами двинулись в обратный путь. Сановники молчали по дороге, переваривая мозгами все, что было сказано и что осталось за текстом. Стражники пылили сзади.

Уже в виду Инебу-Хедж, на дороге Процессий, им повстречался паланкин с сидящей в нем на кресле девочкой в белых одеждах и с золотисто-голубой короной Нехебт на голове. По краям паланкина сидели, свесив ноги, юные девушки с музыкальными инструментами, тихо наигрывающие веселенький мотив. Сопровождал паланкин небольшой отряд булавоносцев.

– Священная Супруга, Сет ее возьми! А ну-ка быстро все упали в пыль с носилок!

– Обойдется, поприветствуем и все.

– Вы охренели, идиоты! Быстро с носилок и выразили полное смирение и прочие все верноподданнические чувства.

Вельможи свалились с носилок и уткнулись носами в пыль перед проплывающим паланкином. Однако процессия остановилась. Нейтикерт соскользнула с кресла, слегка зацепившись платьем и сверкнув на мгновение худыми и длинными ногами, и подошла к лежащим вельможам.

– Откуда держат путь достойные мои вельможи? – певуче спросила маленькая царица.

– Мы были на охоте, о, Священная Супруга Бога.

– О, тогда я вас поздравляю с такой удачною охотой, вы так много наловили пыли и настреляли уйму пустоты, еще в носилках ваших наблюдаю туши ничего и даже такую редкую добычу, как ничто.

Вельможи молча, дышали в пыль.

– Достойные, вы можете уже подняться.

– Царица, мы не смеем.

– А объясниться про поводу охоты?

– Не смеем, Священная Супруга.

– Так какого же хрена... вы делали в пустыне всем своим скопом!? А собаки? Где ваши слюги и тезем? Все шастают в пустыне? Вы отвратительные охотники, вельможи, вы бросили преданных вам существ.

Нейтикерт еще некоторое время постояла, потопывая ножкой в золотой сандалиии, затем молча села в паланкин и направилась в город Мертвых к священной высоте своего деда, сияющей вдалеке, на юго-западной оконечности поля Сокара.

– Вот, Сет ее заешь. – произнес Хнемреду поднимая голову и глядя вслед удаляющейся процессии. – Друзья мои, мне как-то всегда становится не по себе, в присутствии вот этой...

– Она ж там учится у святых отцов всякой магической хренотени.

– Да ерунда все это.

– Нет, не скажи, когда она посмотрит немигая своими... то... нет, – ну ее на фиг!

– Вот я и посмотрю, как она при этом самом, на меня посмотрит, как вытращит свои глазюки.

– Ты что, Аханахт, она еще ребенок, девчонка.

– Уже нет.

– А я говорю – она девчонка. Ты что, думаешь, я по взгляду не отличаю девственницу от женщины познавшую мужчину? Женщины смотрят совсем иначе.

В этот момент Нейтикерт обернулась, назад взглянув на вельмож, и те вновь уткнулись в пыль. Не важно было девственница на них взглянула или женщина познавшая мужчину – на них смотрела земная богиня. И весьма подозрительная богиня.

– Аханахт! Эй, Аханахт!

Хнемредиу выскочил из носилок и бежал, размахивая руками, словно удирая от наводнения.

– Что? Чего орешь, как бегемот во время случки?

– Все! Все на хрен пропало! Он вырвался из окруженья. Что теперь? Твоя дурацкая идея. Теперь мы потеряем все. Лучше бы отдали часть, как он просил. О, боги! Теперь и весь мой род подлежит смертной казни за государственную измену!

– А ну не верещи, как обдриставшийся шакал на могиле парасхита. Где он теперь?

– Идет с небольшим отрядом с севера, вдоль дельты, к Удару Молнии (город Кхем).

– Что ж, значит, все-таки, придется делать все самим, раз боги нам помочь не захотели.

– Самим!? Ты тронулся наверно! Самим убить живого бога! Кто же пойдет на такое.

– Живого бога! Человек как человек и так же, как и все мы, смертный. Ты предпочитаешь сам на колу издохнуть? Я лично нет. Теперь у нас только такой выбор. Я уже выбрал, а ты как хочешь. Раз уж подставил задницу, то подмахивать придется, а не соскочить пытаться.

– Так делать что?

– Где Уаджар?

– На подходе.

– Так отбирайте воинов из стран Куш и Ирчет и чтоб из тех, кто по-нашему ни в зуб ногой. Надо перехватить его пока он к Удару Молнии не пробился. Где-нибудь там, – в болотах.

– Священная Супруга, к вам принцесса Имтес, с весьма важным сообщением.

Нейтикерт в задумчивости сидела на ложе, глядя в черное обсидиановое зеркало и что-то шептала.

– Пусть войдет... принцесса. – не отрывая взгляда от зеркала, произнесла царица.

Светловолосая девушка, в голубом калазирисе, переступив порог, грациозно опустилась на колени и коснулась лбом пола.

– Вечной жизни Священной Супруге.

Нейтикерт подняла глаза.

– Что за сообщение?

Имтес, покончив с формальностями ритуала, быстро подошла вплотную и, тревожно блестя глазами, наклонилась к уху царицы.

– Не хочу пугать мою царицу, но я сама до смерти испугалась.

Сердце Нейтикерт тревожно забилося.

– Что? Говори.

– Я совершенно случайно узнала, что Нутерхопер на сутки задержал войска. По-крайней мере он еще не покинул Прекрасную Твердыню.

Нейтикерт вскочила.

– Нутерхопер предатель! Надо его немедленно схватить. Казнить! Нет! Сначала пытать! Вытащить из него, вместе с кишками, с сердцем правду!

– Прости, царица, что возражу тебе, но Нутерхопер не предатель – он получил такой приказ от джати, который воспользовался государственной печатью. И мы не сможем арестовать ни того и ни другого. Для этого у нас нет воинов.

– О боги!

Нейтикерт кинулась прочь к выходу. Принцесса некоторое время бежала рядом, пытаясь ухватить ее за рукав, и быстро говорила:

– Остановись, царица! Ты куда бежать собралась? Я привела небольшой отряд своих воинов. Мы успеем организовать оборону Белых Стен и послать гонцов к моему дяде в Дом Царского Ребенка. Завтра он будет здесь со своим войском. Стой же царица!

Но Нейтикерт вырвала рукав и понеслась вниз по лестнице. Имтес некоторое время смотрела ей вслед, затем повернулась к черным стражникам, стоявшим у дверей царских покоев, и спросила:

– Ну, что, храбрые мои? Охраняем?

– Да, принцесса Имтес, охраняем.

– А дай-ка посмотреть твоё копье. – попросила она с улыбкой.

Повертела копье так и эдак и, со всего размаха, треснула стражника по голове, оглушительно завизжав:

– А что ты, сука, охраняешь?! Царица-то сбежала! А ну за нею все! Бегом! С носилками!

Продолжая, как попало колотить стражников, она погнала их вниз по лестнице, вереща не своим голосом:

– Козлы, уроды, твари! Белые ворота на запор! И Красные туда же! Все на стены! Все, все, все! Повара, садовники, вся обслуга! И всех бритоголовых из храма гнать на стены и с камнями! Не пойдут – дубьем и плетками гоните! Невзирая на их святошные чины. Будут радотаь и сражаться как и все! Разжечь огонь! Наполнить нефтой горшки и чаны! Масло кипятите! Шибко святых, сразу в масло киньте. Все! Кончились на хрен все молитвы! Они нам на помогли совсем. Будем драться!

Выскочив во двор, Имтес остановилась, тяжело дыша, подняла лицо к небу и закричала:

– О боги Черной Земли! Когда же, наконец, вы станете людьми, вонючие гиены! Когда же перестанете быть людоедами?

Эх, Имтес, моя ты дорогая... самому бы знать хотелось.

Когда же, в самом деле? Сколько тысяч лет пройдет? Две-три-четыре? Как выяснилось маловато. Тогда, быть может, пять иль шесть? Как думаете, хватит? Нет, ну все-таки? Когда? А? Ну, может быть, кто знает? Сейчас так много знающих везде и во всем.

Нейтикерт бежала по дороге мощеной каменными плитами, мимо лежащих на постаментах черных шакалов, смотревших вдаль безразличными глазами в неведомую даль, к набережной Перу Нефер. Ветер трепал белые одежды, обнажая мелькающие худые ноги, и развевал иссиня-черные волосы. Бежала сквозь толпу, занятую повседневными делами. За ней с мяуканьем спешил львенок.

Люди, узнавая свою царицу по белому с золотыми нитями платью, падали перед ней, узнавали, почти столкнувшись и, отпрянув в ужасе, падали, брошенные на землю силой тысячетного поклонения своим живым бога.

Худенькая фигурка в белом резала толпу и расшвыривала людей, будто взбесившийся носорог или слон. Толпа перед царицей еще стояла, а сзади лежала на земле, словно гигантская коса подсекала им ноги. Лежавшие поднимали головы и с удивлением смотрели вслед, впервые видя царицу в одиночестве без свиты, без охраны, без оркестра и бегущую в растрепанных одеждах.

Нейтикерт выбежала на пристань, окинула ее взглядом, прыгнула в маленькую лодку, связанную из пучков тростника, схватила весло и оттолкнулась от причала.

Владелец лодки, находившийся тут же, со стоном ужаса распростерся в лодке приготовившись умереть.

От ворот Инебу-Хедж бежала охрана с носилками, но не успела, потому что люди, увидев воинов преследующих царицу с копьями наперевес, их разоружила и долго била ногами, пока не разобрались что к чему. Успел только львенок, прыгнувший с причала в отошедшую уже лодку. Тяжело дыша, он свалился на дно и пополз к царице. Он был еще маленький и очень боялся остаться без царицы, но именно сейчас, вдруг понял, что еще больше боится оставить царицу без себя. Он вдруг понял, что он лев. Будет львом.

Нутерхопер пил ароматное вино пурпурного цвета, закусывал копченостями и жареным, на углях, мясом, слушал музыку и смотрел на извивающиеся тела танцовщиц.

Пил он, уже очень-таки давно, но не пьянел. Пил, и, впервые в жизни, не чувствовал божественного вкуса напитка. Вращающиеся полные бедра, призывно колыхающиеся груди и, соблазнительно, играющие животы не возбуждали никаких желаний и даже были чем-то неприятны.

Военачальник раздраженно махнул рукой, отсылая всех вон и хлопбыстнул какой-то по счету кубок залпом, не смакуя. Отрезал кремневым ножом кусок копченого окорока газели, откусил и пожевал как безвкусную траву. Впервые в жизни не было аппетита. Жевать и то не хотелось.

ТЬфу! – сплюнул он. И еще раз – тьфу! Что ж так на душе погано. На всех душах. И Кудермо, и Бу-скотина, и в Иб будто насрали, сразу во все три, и Аху не звездный вид души, а зловонная помойка.

И чего тебе собственно не так? Ты по общему сюжету, в общем-то, даже ничего не знаешь. Очень удобно устроился посередине. Вот и сиди спокойно там, в центре. В случае чего никуда не упадешь. Очень комфортно, знаете ли.

Что же тогда так погано?

– Тебе, мой друг единственный, мой Нутерхопер, потому так погано, что это середина – середина большой кучи говна. И ты в ней как раз посередине.

Нутерхопер завертел головой. Это кто тут вякнул в воздух и его испортил?

Ах, да! – это сам он. Вот еще не хватало! Послушай, Нутерхопер, а ты с чего решил, что что-то тут не так? У тебя приказ джати, да еще с государственной печатью.

Вот-вот! Самое оно и есть!

Вот эта-то печать все и объяснила, то, что до сего момента, можно было считать скрытым за горизонтом в дымке. То, что ты раньше подозревал и даже втихаря надеялся, что так оно и есть. Надеялся, старый хрен, надеялся, не отпирайся. Ты ж знаешь, что тебя властитель не очень любит и сам ты от него не в большом восторге. Просто не ожидал, что когда все так случится, вдруг очень сильно вокруг завоняет. Ты все-таки военачальник, и точно знаешь, что выступать надо немедленно. И вот на тебе, прямо в рыло, – приказ от джати, скрепленный печатью владыки, чтоб ты его выполнил с гарантией.

Тут ты и все понял. Меренра вернувшись, за такой приказ со своей печатью, нарежет шкуру джати узкими полосками. И резать будет потихоньку и не торопясь, со вкусом. Следовательно, джати уверен, что этого не будет. И вот тут ты, мой любезный, и почувствовал запах гнили. Особенно та часть всего воняла, где джати, не особенный-то смельчак, был уверен, что он, Нутерхопер, не двинется с места, даже все поняв. Почему ж они так вдруг уверены в этом?

И ведь не ошиблись. Вот от этого было всего поганей.

Нутерхопер налил из хрустального графина пурпурную жидкость. Поднес к губам и остановился. В кубке колыхалась кровь. Он взял графин, вырезанный из куса хрусталя, и посмотрел сквозь него на свет. Весь мир был кровавым. Кровавым был весь мир. Так, а с чего же, они, суки, так решили?

Глава четвертая. Земные боги смертны

По берегу канопского рукава Нила двигался отряд, направляясь к югу. Слева качались верхушки папируса, и сверкала вода священной реки. Направо местность повышалась, заканчиваясь обрывом. Отряд вытянулся длинной колонной. Блестели черные щиты, висающие на левых руках или заброшенные за спину, сверкали острия копий, лежащих на плечах или волочащихся по земле. Булавоносцы тащили булавы за ременные петли. Многие хромали, у некоторых безжизненно висели перебитые руки. Кое-кто прижимал к колотым или рубленым ранам растертую в кашицу траву. Несколько человек несли на сплетенных из тростника носилках. Меренра нес на плече свернутое знамя, на поясе его висела секира.

– Господин, мы очень медленно двигаемся из-за раненых. Надо оставить их на месте, под охраной, и как можно быстрее добраться до какого-нибудь селенья и послать за ними помощь.

– Иненни, я уже отдал приказ не оставлять ни раненых, ни мертвых, и мы никого не оставим, ни шакалам в пищу, ни техенну, для надругательства над телами. Ты же знаешь – жизнь земная коротка и она лишь подготовка к вечной жизни. Разве можем мы ее лишить наших товарищей, что бок о бок сражались с нами. Не волнуйся, уже недалеко до Удара Молнии. Вон, за тем поворотом, он уже будет виден.

– Господин, мне как-то беспокойно. И еще мне непонятно – как все это получилось.

– Скоро мы об этом спросим кого надо. И не волнуйся, думай, о чем-нибудь приятном.

Как там твоя дорогая Хеприура?

Мрачное лицо воина слегка просветлело.

– Я думаю, меня уже ждет наследник. Сегодня я его увижу, если ты господин позволишь и... и если увижу.

– Увидишь, увидишь. Дам тебе самую быструю лодку. И отпуск на три... пять дней.

Сверху, с обрыва бежал воин.

– Войско, господин, войско!

– Ну, войско. Чего так орать. Вряд ли здесь шастают техенну. Это наши.

Помолчав и оглядев немногочисленный отряд, спросил.

– Сколько стрел у лучников?

– Ни единой, господин.

– Ну-ка быстро всем набрать камней для пращников сколько найдете. Эй, там сзади!

Всем подтянуться.

Воины рассыпались, собирая камни и складывая их в кучи. За это время подтянулись отставшие.

Над обрывом показался чужой отряд, словно высунула голову гигантская змея. Передние ряды войска остановились на обрыве, задние напирали и растекались по бокам. Змея укладывала свои кольца на краю обрыва.

Меренра вышел вперед и развернул знамя. Черный шакал сверкнул с треском расправив полотнище и красными глазами и оскалил зубастую пасть глянул на поле боя.

– Здесь Повелитель Двух Земель!

Войско на обрыве продолжало молча разворачиваться в боевой порядок, будто раскидывая в стороны длинные черные руки. Воины за спиной владыки со стуком сомкнули щиты, выставили копья. Булавоносцы обоими руками покрепче ухватили булавы. Пращники наложили на ремни камни.

– Бум-м-м! Бум-м!

Наверху гулко ударил барабан. Черные воины, выставив копья, двинулись черной стеной вниз.

Меренра обернулся на свой небольшой отряд, без команды приготовившийся к сражению.

Воины мрачно смотрели поверх щитов, наполненные жестокой решимостью.

На мгновение у него защипало глаза. Нет! Не все так уж плохо в Черной Земле. Вот эти сто или сто пятьдесят человек. Не разбежались же по кустам. Решили до конца исполнить долг. Иненни! Так ты и не увидишь своего сына. Так же как и он сам не увидит свою Священную Супругу. А почему, собственно, не увидит? Глупости! Еще как увидит!

Повелитель Двух Земель воткнул в землю знамя, поднял вверх тяжелую сверкнувшую бронзой секиру и, вращая ей над головой, весело закричал:

– Эй, Аханахт, Хнемреду, Уаджар, друзья мои и верные мои слуги! Я знаю, что вы здесь. Где-то там за спинами у воинов. Давайте все наши проблемы решим между собой. Остановите воинов и сами вниз спускайтесь, хоть по очереди трое, хоть вместе и все втроем.

Черная цепь продолжала приближаться, сверкая медными и кремневыми наконечниками копий. На благородный призыв ответило лишь молчанье и шорох песка под ногами приближающегося войска.

Воины Меренра сдвинулись вперед, отгородив своего повелителя щитами. Вместо надвигающейся стены щитов он вдруг увидел большие черные глаза, с удивительно мягким, бархатным взглядом, который чувствуется всей кожей, словно прикосновение ласковых пальцев, он даже проникает внутрь и по телу от него растекается чудесная изморось. Какое странное и чудесное существо его дочь, жена и царица. Когда она, лежа рядом, клала подбородок ему на грудь и, улыбаясь молча, смотрела – он чувствовал просто божественное наслаждение какого не испытывал более никогда. Как же она останется одна наедине с такими-то...

Пращники с бешеной скоростью закрутили ремни. Жжжиу! – рой камней полетел к черной стене. Тр-р-р – каменный град застучал по щитам, но кое-где, отдельные градины, со вкусом впечатались в кости черепа и голеней. Несколько человек рухнули навзничь и несколько присели, уронив щиты и схватившись за ноги. Навстречу им уже летел следующий каменный рой. Ну, сейчас начнется. Воины задышали звучней, ноздри расширились, брови сошлись на переносице, мышцы заиграли.

Правитель почувствовал подступающую веселую ярость. Как жаль, что не в его силах убить собственноручно все это войско. Но поляжет сейчас очень много. Он почувствовал в себе такую силу, что вдруг подумал – он бессмертный бог, он раскидает всех, все это войско. Он прекрасно знал, что один на один никто не может с ним сражаться. Он сильнее любого существа созданного богами. Он убивал леопарда, он убивал льва, он убивал слона и крокодила, он собственноручно убивал даже зверя Сета – бегемота. Что такое человек по сравнению с диким зверем? Сила человека только в его числе. И он рассмеялся. Да, зачем же убивать всех! Ему достаточно убить всего троих. Всего-то на всего – троих, а это в его силах! Троих! – вот еще ерунда!

С треском столкнулись щиты, замелькали жала копий, загудели вращающиеся булавы, засвистели секиры. Началось! Началось настоящее мужское дело – кричащие рты, расширенные от ужаса и ярости глаза, треск сталкивающегося оружия, хруст костей, брызги крови, оскаленные зубы, хрипы, стоны. Черная шеренга охватила воинов Меренра, стоявших сбитым строем, в кольцо, что бы ни ушел, ни один.

Но они и не собирались никуда, ни уходить, и ни убегать. Они собирались драться! Они плевать хотели на численное превосходство. Это их, древних воинов, совсем не волновало. Они тяжело протаранили строй кушитов и двинулись вперед, наверх откоса, отбиваясь от нападавшего с трех сторон противника и оставляя за собой исколотые и перебитые тела, словно побывавшие в мясорубке. Мясорубка эта довольно быстро перемещалась вверх и ей навстречу пошли следующие черные шеренги.

Удар. Треск. Хруст. Воины Меренра качнулись назад от удара бегущей сверху массы. Остановились, сжавшись еще плотней, и все же двинулись вперед, медленно раздвигая плотную массу, кроша и перемалывая тела. Шакал Упуат зловеще щерил пасть, глядя на приятную богу войны картину. Впереди шел высокий широкоплечий воин со сверкающей молнией в руке. Молния разбивала щиты, отсекала конечности, разрубала головы и перерубала копья и булавы. С боков, воина с молнией в руке, плотно закрывали щитами и жалами копий и секирами и булавами. Воин смотрел вверх и улыбался.

– Аханахт! – посеревший Хнемредиу схватил своего друга за руку. – Что это?! Как такое может быть! Это бог! Бессмертный бог! Как мы могли подумать...

– Лучники. – проговорил тихо Аханахт и заорал во весь голос. – Лучники! Всех лучников сюда!

– Какие лучники, там наши воины.

– Стрелять! Всех! Всех уложить! Всех в Нижний Мир, в преисподнюю! Всех!

Когда полетели первые стрелы, будто первые капли дождя, воины заслонили Меренра щитами, подняв один ряд над другим, а третий над головой, сделав строй известный впоследствии как «черепаха».

– Господин, – тяжело дыша, сказал Иненни, – нам придется отступить к реке.

– Да, к сожалению придется. А жаль, я уже видел их глаза. Ах, как жаль! Иненни!

– Да, мой господин?

– Благодарю тебя за службу и за верность.

– О, господин мой, а надо ли благодарить за то, что составляет долг?

– Увы, мой друг, в такие времена как наши, надо. Возьми в награду вот этого золотого скарабея, это символ Хепри – только взошедшего солнца, символ первозданной чистоты. На суде бога мертвых он сделает твое сердце легче пера Маат. И вас всех, воины, я благодарю за службу. Мне больше нечего вам дать, все мое царство – вот этот круг за вашими щитами, но я верю, что ваши сердца легки и чисты и вас ждет жизнь счастливая на полях Иалу. Иначе просто быть не может.

– Господин наш! Вы можете спастись. Смотрите – эти черные гиены разбежались от своих же стрел и путь к реке свободен. Берите двух-трех человек и к реке бегите, щитами закрываясь.

– Иненни, нас тут же и подстрелят словно куропаток.

– Нет, им не до этого будет. Мы сейчас пойдем в атаку. Я возьму знамя и вашу секиру. Если, конечно, вы удостоите меня подобной чести. Пока там они разберутся, что к чему – вы уже спасетесь. Вы скроетесь, в густых тростниках нашей дельты! И вы отомстите.

– Нет, мой верный воин, – улыбнулся Меренра, вытирая со лба, рассеченного кремневым осколком, кровь, – нет, друг мой, такой чести я тебя не удостою. Кроме того, повелители Черной Земли не бегают по зарослям и не прячутся по тростникам. Они сражаются лицом к лицу и побеждают. Или умирают. Вот мысль об атаке мне пришла по сердцу. Ну, так что? В атаку?

– Мы готовы, господин наш, жизнь, здоровье и сила! – зарычали воины. – Мы всех разорвем, как львы стаю гиен!

– Вперед!

Воины сбившись плотней и, прижавшись, друг к другу плечами, двинулись, ускоряя шаг, вперед, навстречу смерти... или бессмертию... кто ж это знает, назад они не вернулись... кроме одного.

Иногда гиены побеждают львов. Не только иногда, а даже очень часто.

– М-да, любезный Аханахт, – медленно проговорил Уаджар, глядя на плотную кучу тел, лежащих друг на друге, и торчащее в середине знамя, с ухмыляющимся в звериной усмешке, Упуатом, – все это выглядело довольно-таки омерзительно. Даже не знаю, стоило ли...

– Вы так считаете? А, по-моему, так даже и красиво. – ответил Аханахт, тоже глядя на знамя в куче тел, – Как еще можно желать умереть? Я, честно говоря, даже им завидую, ведь совсем неизвестно какую смерть нам наша судьба-Иб, готовит. Не лучше ли бы сейчас, в бою, было сдохнуть? Ну, в смысле умереть. Но, вы, любезный Уаджар, видимо и трахнуться хотели и невинность сохранить, а так не было, так не бывает и так никогда не будет. Вы уж мне поверьте, мой высокоморальный друг.

– Если бы я только знал. – пробормотал вытирая холодный пот со лба, Хнемредиу, – Если бы я знал, что это так... я бы никогда... да, ни за что на свете!

– Ну, пойдем, посмотрим.

– Я н-не пойду! Нечего мне там смотреть.

Негры растаскивали кучу, хватая мертвых за руки и за ноги. Аханахт и Уаджар подошли, вглядываясь в тела.

Один из негров с довольным возгласом сорвал с тела воина, с пятью стрелами в груди, золотого скарабея с лазуритовыми крыльями, примерил к своей шее, но неожиданно снизу сверкнула молния, воин согнулся и, прижимая руки к животу, пошел куда-то прочь. Все остальные отскочили в стороны.

Куча зашевелилась. Над мертвецами встал Меренра. Волосы его слиплись от крови, весь лоб был громадной ссадиной, в груди торчала стрела с белым, как лилия, оперением.

Аханахт и Уаджар остановились. Хнемредиу на верху обрыва упал на колени, воздел руки к небу и закричал:

– О, боги! Я не хотел! Я не знал. Простите боги! Я не-е зна-а-а-ал!

Меренра тяжело перебросил из руки в руку окровавленную секиру.

– Привет вам, други детства. От отца Осириса и всех демонов его. Пришел обратно всем сказать, что вас там с нетерпением ожидают.

Медленно передвигая ноги и шатаясь, он направился к друзьям детства.

– Отец! Отец, супруг мой!

Маленькая фигурка в белом бежала от реки, спотыкаясь на подгибающихся ногах с вытянутыми руками. За ней бежал львенок.

– О, дочь моя. – улыбнулся повелитель. – Все же я тебя увидел.

– О, демоны ночные! Ну, только этого нам и не хватало.

Нейтикерт обхватила стоящего Меренра и прижалась головой к груди.

– Прости, сокровище мое, но, кажется, я уйду... туда... к закату. Прости, что оставляю тебя с такими... тебе помогут... великий мастер... ему можно... он не допу...

Тело повелителя содрогнулось, он захрипел, и изо рта выплеснулась кровь прямо на царицу. Меренра умер с ощущением неземного блаженства под взглядом царицы Нейтикерт. Он умер стоя и упал уже мертвым.

Царица, опустилась на колени, что-то шепча. Львенок беспокойно крутил головой и прихивался. Он чуял какой-то новый запах, он хоть и был нов, но был так, же и чем-то очень знаком. В глубине души маленького льва он будил какие-то смутные воспоминанья. А, меж тем, запах этот наполнил все окрестности подобно половодью.

– Ну, ладно одно уж к одному. – пробормотал Аханахт, неспешно развязывая схенти. – Тащите-ка сюда эту. Хоть что-нибудь приятное за целый день.

– Я думаю, что это ни к чему и будет уже лишним. – сказал Уаджар.

– А у меня иное мнение. Страшненькая, конечно, ну да ладно. – ответил Аханахт. – Зато ноги длинные, можно на песок не ложиться.

Чернокожие воины направились к царице. Львенок выскочил вперед и сев на задние лапы замахал передними по воздуху и зашипел.

– Брысь, твоя, поганая шакала!

Наглое животное пнуло под ребра, львенок с хриплым вяканьем отлетел, но быстрые лапки успели-таки мазнуть по ноге, оставив прекрасные царапины, общим числом десять и он понял, что это за новый запах – кровь. Он с рычанием встал.

Царицу схватили за руки и рывком подняли с колен. Тело ее было безвольно, легко и почти невесомо.

Тем неожиданней оказался бешеный рывок царицы, освободивший ей одну руку. Воин, державший левую руку гикнул, развеселившись от неожиданного трепыханья жертвы. Так было даже интересней. Однако тут же он издал визгливый вопль – царица склонилась к руке и впиалась в державшую ее ладонь зубами. Кушит тут же отпустил царицу, но теперь уже она ухватила его руку обеими руками. Воин с воем мотал царицу, но оторвать не мог. Наконец он занес кулак над головой Нейтикерт, но та резко мотнула головой и бросила ненужную ей теперь ладонь, пальцев на которой стало на один меньше. Кушит с воем затряс рукой, разбрызгивая кровь.

– Нет, ну вы только гляньте! – восхитился Аханахт. – А с ней будет интересно.

– Фтфу! – выплюнула что-то царица и вытерла ладонью окровавленные губы, впрочем, не столько вытерла, сколько размазала кровь.

Малолетняя царица, оскалив зубы, издала звериное рычание. Львенок, припав к земле и прижав уши, повторил рычание. Эти двое собирались сражаться против войска.

– Тащите, тащите. За волосы ее, за волосы. – подсказал вельможа.

Совет оказался, кстати, Нейтикерт ухватили за волосы сзади, она же не оказывая никакого сопротивления, повернулась и прыгнула на высоченного воина, обхватив его ногами за талию, и впиалась зубами в лицо.

– Ё-ы... – замычал кушит.

Он совершил несколько бестолковых движений и, поскольку львенок впиался в его ногу, спотыкнувшись, упал навзничь. Царица сидела на нем, сжимая тело бедрами, а в волосы, вцепившись пальцами, и водила головой, словно целуя в любовном экстазе, а воин дергал руками, брыкал ногами и мычал. Затем вдруг затих.

– О боги. – пробормотал Хнемреду. – Да что же это? Это что такое? Что она творит?!

Он в растерянности смотрел на своих друзей. Царица поднялась с воина, оставшегося лежать неподвижно, и осмотрелась вокруг таким взглядом, что близь стоявшие черные воины попятились.

– Хырктьфу! – вновь выплюнула часть лица воина Нейтикерт.

Лицо ее было все в крови, и красные капли капали с подбородка на белое платье. Львенок уже терзал за горло поверженного кушита и негромко, но свирепо рычал.

– Ух, ты! – Аханахт, уважительно покачал головой. – Ну, что ж, придется видно, самому.

– Оставьте вы это дело, Аханахт. – сказал Уаджар. – Дай сюда.

Он взял лук у воина и наложил стрелу.

– Поверьте – так лучше будет для всех. И для нее тоже.

– Ну, уж нет! Чего зря пропадать добру. Все надо использовать по назначенью. Тем более, что это последняя из рода Гора.

– Опомнитесь, друг мой, – ей двенадцать лет! Какое назначенье? Либо подождать три-четыре года, либо просто пристрелить и кончить с этим.

– Вы сумасшедшие! – возмутился Хнемреду – с чем кончить?! С носительницей последней священной крови Гора? Вы не в своем уме. Этого не будет!

Тем не менее Аханахт направился к царице.

Озиравшаяся по сторонам, как затравленная лисица, Нейтикерт, заметив его, медленно убрала обе руки за спину и подалась вперед оскалив зубы. Львенок опять стоял перед ней, он часто облизывал окровавленную мордочку, вникая в неизведанный ранее вкус, и из груди его рвалось уже не шипение, а рычанье. Пока еще негромкое. Ему, маленькому котёнку, было

очень страшно, но страх этот уже тонул в какой-то огромной волне рвавшейся из его груди наружу. Не смотря на страх, он был готов и убивать и умирать. Маленький котенок просто не знал, что это называется мужеством. Он просто уже превратился во льва.

– Эй! – окликнул кто-то сзади. – Эй, вы, полудурошные уроды. – слова сопровождались дурашливым смешком. – Хе-хе-хе-хе.

Все обернулись. От поворота на Кхем шел высокий, несколько грузный, человек в широчайшем схенти, с лицом напоминающим морду бегемота, на которую еще и натянули лохматый парик. Шел он, вальяжно дрыгая в стороны толстыми и кривыми ногами, и насвистывая какой-то веселенький мотивчик на тему солдатских сексуальных отношений. В руке он крутил булаву и иногда постукивал ей по ладони.

– А чем это вы тут, вот это тут вот, заняты, того вот, – несколько смутно изложил он свои мысли, – весьма достойные мои и все на хрен остальные. Ась? Ну-ка, обскажите-ка мне, все дело, в двух словах.

– Тебе какое дело Нутерхопер? Ты был в стороне? Вот там и стой!

Нутерхопер неожиданно раззявил огромную пасть и чихнул, потом еще, и еще и, наконец, высморкался в парик, посмотрел на него, снял, вытер им фундаментально нос, и зашвырнул в реку, явив миру блестящую лысину. Теперь, без парика, он напоминал бегемота без парика.

– Кто ж вам эдакую-то хрень сказал?

Аханахт махнул рукой и вновь повернулся к неподвижно стоящей царице, ждущей его с закинутыми за спину руками.

– Эй!

– Ну, чего тебе!?

– Это Священная Супруга. – Нутерхопер ткнул в сторону фигуры в белом булавой и чуть не потерял равновесие. – И твоя царица. И... ик! Пчх-и-и!

– Послушай, военачальник, пойдика ты проспись, быть, может быть, проснувшись, обратишь внимание, на то, что ты-то здесь один, как перст.

– Ну, это-то нетрудно и исправить. И вообще, дай мне закончить. Че за поганая привычка – не дослушав перебивать.

Достойный полководец засунул в рот два пальца и так энергично свистнул, что опять чуть не потерял равновесие.

Из-за поворота выдвинулась цепь лучников. Установилось недолгое молчание, во время которого стороны прикидывали свои шансы. Нейтикерт, по-прежнему, стояла молча, Нутерхопер принялся вполголоса напевать какую-то лирическую солдатскую песенку:

– Шел я к своей милке,

– Споткнулся о бутылку,

– Споткнулся о бутылку,

– И сильно полюбил

– Тара-тура тум-ту-ра,

– Вот такая вот херня...

(текст авторский)

Наконец Аханахт махнул рукой, и они направились к Хнемредиу, уткнувшемуся в землю. Умный вельможа, понял, что при взаимном паритете сил, лучший вариант – разойтись красиво, а не переть, буром неизвестно в какую жопу.

– Эй! Вельможные! – Нутерхопер еще не уgomонился.

– Ну? Чего еще тебе не так?

– Не забывайте, ну чтоб мне не пришлось напоминать, – вот это, наша царица, последняя в Черной Земле, носительница божественной крови потомков Гора. Вы меня поняли, вельможные ублюдки? Или я вот эту булаву... – полководец выразительно подвигал булаву между левой ладонью собранной горсть –таким вот образом использую. – Угы-гы-гы.

Уаджар, не менее выразительно, показал ему левую руку со сжатым кулаком и похлопал правой ладонью по предплечью. Такие сакральные жесты появились именно в то время. А вообще-то еще раньше. Сразу после матриархата.

Нутерхопер оглядел Нейтикерт. Густые черные волосы царицы слиплись и в лучах солнца отливали багровым. На белых одеждах ярко алели пятна.

– Идем к реке царица, там ты отмоешься от крови.

– Зачем же, Нутерхопер? Ты же полководец и вид крови должен быть тебе приятен. Напрасны были твои потуги, ибо сейчас, все бы и кончилось.

– Ну, я не думаю, что такой исход тебя устроил бы?

– Теперь посмотрим. – сказала царица. – Что кого устроит.

Царица, наконец, вынула руки из-за спины. В руке у нее был странный нож черного цвета, со зловещим красным камнем в рукояти. Она упала на колени, воткнула нож в землю, набрала полные горсти песка, посыпала им голову, еще раз набрала и посыпала и, подняв вверх лицо, завывала. Хнемредиу, которого только что уговорили встать с колен, услышав этот вой, тут же лишился чувств. Львенок, закрыв голову лапами, заорал дурным звериным воем.

Нутерхопер взглянул, щурясь на солнце, и пробормотал:

– Вот ведь дерьмо. Мать вашу Исиду!

С некоторых пор жители Кхема – города Удара Молнии, иногда слышали вой неизвестного животного. Не шакала, напротив, все шакалы, начинающие перекликаться по ночам, заслышав эти звуки, замолкали. И не дворовые собаки, – эти постоянно выли но, – они, его услышав, прятались по конурам. И не охотничьи тезем, те, припозднившись с хозяином на охоте, начинали сбиваться в кучу и жаться к ногам, а иногда в ужасе бежали к дому.

Что это было за животное такое, никто не знал и выяснить никто так и не решился. И правильно, потому что может это и не животное совсем, а существо какого-то другого мира, возможно демона, так как в голосе земного существа подобного страдания быть не может, а только существа познавшего весь ужас запредельного мира. Иногда этот жуткий крик-песня боли был слышан и в Меннофер.

Там жили четыре человека, которые, возможно, могли бы пояснить это странное явление. Но все они одинаково молчали. Хотя вели себя по-разному при этом.

Один бледнел, падал на колени и до утра богам молился, прося у них прощения за что-то, а с утра шел в храмы и богам приносил великие жертвы.

Другой становился задумчив, садился в кресло у окна, брал кубок вина и, потихоньку прихлебывая, сидел так до утра, думая о чем-то и только с первыми признаками рассвета спать ложился.

Третий, заслышав вой, не пил и не молился, но взор его становился страшен и все разбегались от него, стараясь не попасться на глаза. Некоторое время он расхаживал по залам своей усадьбы, приговаривая – Я не боюсь! Я не боюсь тебя!

Затем брал лук со стрелами, копье и кликнув своих подскуливающих и откровенно воющих, тезем уходил в западные степи на охоту. Верные его тезем, хоть и боялись до ужаса, но покорно следовали за хозяином. Они его очень любили. Они его боготворили и знали самую главную его тайну – из всего мира, их хозяин, искренне любит, только их. Разве могли они его оставить одного? Да никогда и ни за что на свете! Звери на любовь отвечают только любовью. И никогда не предают, потому что мораль им неизвестна, и они не оценивают поступки любимого существа. Они его просто любят.

Пожалуй, что разумней всех поступал четвертый. Едва заслышав звуки песни неизвестного существа, он приказывал принести вина по больше, звал танцовщиц, музыкантов и певцов, велел играть, как можно громче, танцевать весело и быстро, петь очень звонко и кутил всю ночь. Пил, закусывал, плясал и пел, точнее песни орал. Наш, короче был, парень! Друзей,

правда, на эту веселую попойку, никогда не звал. И, надо все-таки заметить, что даже ему не удавалось заглушить надрывный крик потустороннего чудовища. Нет, ну ушами он его, конечно же, не слышал. Он чувствовал его всем телом, крик этот вибрировал у него внутри.

Как видите, все они реагировали по-разному, на один и тот же фактор.

Объединяло же, всех четверых, лишь одно – никто из них, в ночь воя-плача, никогда не спал.

Но все это случилось несколько позднее.

Глава пятая. Визит вельможи

Нейтикерт сидела в кресле из черного эбена, глядя в пустоту широко раскрытыми огромными глазами.

Сидела уже давно, с того момента, как пришла во дворец. Она просидела остаток вчерашнего дня и всю ночь, так и не сменив, забрызганного кровью отца-супруга, платья.

Ее служанки сидели рядом у ее ног, тихо поскуливая, словно потерянные щенки. Некоторые шептали молитвы. Иногда они осторожно прикасались к руке царицы, заглядывая ей в глаза.

Однако Нейтикерт никак не реагировала и девочкам-служанкам уже казалось, что их царица ушла куда-то далеко-далеко, почему-то оставив в этом мире тело.

Львенок после событий прошлого дня проспал очень долго, видимо таким образом сказался стресс на, по сути дела, еще маленьком котенке, доселе знавшим только игры. Проснувшись, он хрипло вякнул, видимо вспомнив что-то, подбежал к царице и положил голову ей на колени. Царица, по прежнему, находилась в трансе, но рука ее легла на голову животного.

Служанки переглянулись. Царица все-таки еще в этом мире.

Во второй половине дня самая маленькая из служанок, черная девочка, на взгляд лет шести, поплелась к выходу. В конце концов они еще все живы и следовало позаботиться о чем-нибудь съестном.

Однако, только выйдя за двери, она тут же вернулась обратно весьма встревоженная. Одна из негрятенок подошла к ней, и они начали о чем-то шептаться, оглядываясь на дверь. Затем они жестами подозвали остальных, сообщив им какую-то весть. Все они гурьбой подошли к выходу из спальни и осторожно выглянули за дверь. Они сказали несколько фраз, кому-то стоявшему за дверью и вновь пошептавшись, направились к царице.

Одна из высоких, длинноногих негрятенок, с волосами заплетенными в сотню косичек, склонившись к уху царицы, прошептала ей несколько слов. Нейтикерт тут же повернулась к ней и, глянув черными омутами глаз, встала и направилась к выходу.

Священная Супруга совсем и не была в трансе, она просто не хотела видеть окружающий ее мир.

У входа в спальню стояли высоченные негры, вооруженные копьями и плетями.

Только царица сделала шаг вперед, как двое стражников преградили ей путь.

– Вон. – тихо произнесла царица и шагнула вперед.

Стражники скрестили копья.

– Твоя ходи обратно. – сказал один из гигантов весьма писклявым голосом.

– Твоя здесь не ходи. – подтвердил другой тоже далеко не басом.

Ноздри Нейтикерт раздулись, она оскалила зубы и, наклонив голову, двинулась вперед.

– Убирайтесь. – зашипела она.

– Назад! Ходи назад. – закричали негры.

На помощь им подоспело еще с дюжину гигантов. Они выставили вперед копья.

Служанки тут же взяли Нейтикерт в круг и закрыли ее телами. Тиби выскочила вперед и что-то прокричала на незнакомом языке. Один из охранников ответил ей. Тиби подошла вплотную и еще что-то сказала. Охранник неожиданно хлестнул ее плетью. Тиби, вскрикнув, отшатнулась. Нейтикерт кинулась вперед, но служанки не выпустили ее из кольца и мягко поволокли обратно в спальню.

– Ты! – царица яростно ткнула пальцем в стражника. – Ты получишь десять, ... нет, сто ударов плетью!

Стражники захохотали.

– Царица мне не больно. – сказала Тиби.

– Ты умрешь под плетью! – закричала, стараясь вырваться царица. – Вы все умрете, твари!

В конце концов, ее увели в покои, а Тиби улыбнулась ударившему ее воину и перекинулась с ним несколькими фразами на языке страны Куш.

Нейтикерт тяжело дыша уселась вновь в черное кресло. Но теперь это была не прежняя недвижимое изваяние с отстраненным взглядом. Теперь глаза ее сверкали, брови сошлись на переносице, а пальцы то сжимались, то хватались за подлокотники, то принимались барабанить по ним.

Вернулась Тиби.

– Царица, это воины господина Аханахта. Они по нашему почти не понимают, но я знаю их язык. У них приказ никого не выпускать и не впускать.

– Значит, надо ждать в гости самого Аханахта. – внезапно успокоившись, сказала Нейтикерт. – Он непременно явится, что бы завершить то, чего не смог сделать там, на поле боя.

Все девочки притихли, обдумывая слова царицы.

– Мы будем тебя защищать. – сказала черная пигалица по имени Хентессиу.

Царица посмотрела на пигалицу, затем оглядела всех своих служанок.

– Вам нечего будет защищать, девушки, презренный господин казначей бога уже не найдет здесь то чего ищет у меня. Если только он не некрофил.

Нейтикерт вытащила откуда-то из прически черный нож, сделанный из самого прочного материала на свете, из черного нефрита. Даже сталь, еще неизвестная в то время уступала ему в прочности.

Девушки окружили царицу, шепча ей утешения. Некоторые плакали. Некоторые просили:

– Не покидай нас царица Нейтикерт, не покидай Священная Супруга.

Другие говорили:

– Мы... мы тебя не покинем, мы уйдем с тобой. Мы вместе с тобой уйдем в страну Уэрнес, место блаженных душ.

Растроганная царица обняла своих служанок-подружек.

– Благодарю вас девушки за верность. Ваша храбрость равна храбрости героев.

– А зачем тебе Священная Супруга из-за какого-то козла лишаться жизни?

Вопрос прозвучал жестко, неожиданно и почти презрительно. Все посмотрели на девицу стоявшую отдельно – Хатир.

Царица внимательно посмотрела на нее.

– Ты предлагаешь мне лишиться чести?

– Какой еще чести? – дернула губами чернокожая красавица. – Да дай ему то, чего он хочет.

– Хатир, – так же скривив губы, ответила царица, – сразу видно, что это совет рабыни.

– Я действительно твоя рабыня, но ты, наша царица, еще называла меня своей подругой. И нас всех. Где все знатные твои подружки? Где дочки вельмож, сановников и владельцев сепов? Здесь остались только мы твои рабыни. Или подруги. Уж решай сама. Но мы до конца последуем за тобой.

– Но что ты за совет мне подаешь, моя Хатир?

– Прости царица, за такое напоминание, но ты, по-моему, забыла об одном холодном блюде.

– Возможно, но я о еде не думала. Что еще за блюдо?

– Месть. – спокойно произнесла Хатир.

Установилась мертвая тишина. Царица вперила загоревшиеся глаза в свою служанку.

– Тем более царица обещала запороть того козла, что жиганул меня только что плетью. – улыбнулась Тиби.

– Да, Хатир, ты права. Да, Тиби, ты мне показала, как надо действовать в таких обстоятельствах – на удар отвечать улыбкой. Если явится ко мне сегодня Аханахт на предмет утех любовных, то кто мешает мне его вперед себя отправить в глубину Дуата на суд чудовищного бога мертвых Инпу?

– Но тогда остальные останутся без наказания, ведь стража перебьет нас всех. – Хатир говорила о возможных вариантах спокойно, словно обсуждала какой наряд одеть на праздник.

– И что?

– Еще раз говорю – если он придет – отдайся, этим ты усыпишь бдительность его и сможешь подготовиться для мести.

– Хатир, тогда он будет приходить ко мне еженощно.

– Ну и что? Он все равно умрет. Царица, не придавай значения большого траханью. Мужчины только думают, что овладев в постели женщиной, они получают над нею власть. На самом деле все наоборот – власть эту получает женщина. И если он прибежит к тебе еще и завтра, послезавтра, послепослезавтра, то власть твоя уже установлена над ним.

– Тебе легко говорить об этом, а мне лежать придется под убийцею отца и супруга.

– Ты царица.

– Хентессиу, а ты что скажешь?

Хентессиу не сказала ничего по той причине, что ее не было в спальне, и когда она исчезла, никто не заметил. После непродолжительных поисков обнаружили простыни, свисающие из окна.

Сбежала! Всем стало невероятно стыдно.

– Царица, – начала Тиби, – ты не думай мы никогда...

– Не надо, Тиби, я ничего такого и не думаю. Хентессиу показала мне, что надо делать. Она просто уверена, что Священная Супруга предпочтет смерть позору, а умирать ли со мною ей, так то, уже ее решение.

– А я еще раз говорю, царица, как ни мерзко тебе будет, пройди через это и ты сможешь дальше жить и действовать. Из мира нижнего ты ничего уже не сможешь сделать.

– Царица, – сказала Фаменот, самая рослая из черных служанок, – пойми, у каждой вещи есть своя цена для меня. У твоей мести цена обмена именно такая.

– Довольно. Я все сама прекрасно понимаю и все уже решила. Вы, кто хочет жизни, можете уйти, потому что Аханахт умрет сегодня. Но, – царица криво улыбнулась, – о чем мы спорим, он еще, может быть, и не придет.

– А почему же мне и не прийти? – спросил Аханахт.

Аханахт стоял у входа и слегка улыбался.

Девушки тревожно переглянулись, что успел услышать казначей бога из последней фразы царицы? Сама царица смотрела только на Аханахта.

– Так о чем вы спорили, мои маленькие щебетуны? – спросил Аханахт.

Все чуть расслабились – видимо казначей слышал только последнюю фразу.

– Мы спорили придешь сегодня ты или нет. – ответила Нейтикерт не отрывая взгляда от казначея.

– И что думала ты, царица?

– Я ничего не думала, я знала, что придешь.

– Значит, ты ждала меня?

– Ждала.

– И хотела меня видеть?

– Хотела.

– Очень, наверное, хотела?

– Скоро узнаешь.

– А ты, царица, знаешь, что мне от тебя надо?

- Догадываюсь.
- Значит, твои длинные ноги раздвинутся с желанием и без сопротивления?
- Не дождешься.
- Вот это хорошо. Что легко достается не много стоит.

Казначей шагнул вперед, но перед ним встали все служанки царицы, а вперед вышла Тиби.

– Достойный господин, вы поступаете сейчас очень недостойно, недостойно звания достойного вельможи и казначея бога.

Аханахт с интересом посмотрел на негритянку и, обернувшись к своим воинам, сказал:

– А с этими пока вы можете позабавиться.

Стражники с веселым гогом кинулись на служанок. Хоть это и было совершенно неожиданно для них, но так уж сразу справиться с девчонками не удалось. Они оглушительно визжали, царапались, кусались, плевались, а кроме того их было все-таки несколько больше чем стражников и поэтому пока один пытался завалив на пол овладеть одной, на него сверху кидалась другая и драла его ногтями как кошка. Стражники рассвирепели и пустили в ход плети. Визг стало намного больше. Девушки извивались, закрывались руками, катались по полу, прятались за ширмами и мебелью.

Аханахт, тем временем, ломал на ложе яростно сопротивляющуюся царицу.

К несчастью для Нейтикерт он сразу схватил ее за руки и завернув их ей за голову держал за запястья левой рукой, а правой срывал одежду. Нейтикерт никак не могла высвободить хоть одну руку, чтобы дотянуться до ножа спрятанного в волосах. Она извивалась под придавившим ее телом казначея, плевала ему в лицо, пыталась дотянуться до руки зубами и с ужасом чувствовала, что внизу живота разгорается дьявольский огонь. Оттуда по всему телу растекались волны подавляющие ее сопротивление, жгучее желание овладевало ей, отключая сознание. Началось действие шунну, произведенного над царицей. Она до безумия хотела погрузиться в эту бездну.

– А нас чего же не позвали на столь веселую вечеринку. – прозвучал громкий голос от входа. – Мы, может, тоже поучаствовать хотим.

Зал наполнился новыми воинами, а у входа стояли Уаджар и Хнемредиу.

– Нехорошо, друг мой, ой, как нехорошо. – произнес Уаджар. – Царица наша общая, можно сказать, достояние государства, а вперед всех на нее полезли.

– Какого гребанного бегемота вы приперлись?

– Да вот посмотреть, как тут поживает наша царица.

– И чего теперь?

– А теперь слезьте с нее, право слово, слезьте. Давайте ка все решим в Верховной коллегии вельмож. Согласитесь друг мой, такие вещи надо решать не пенисом, а головой.

– В самом деле Аханахт, – сказал Хнемредиу, – вы уж это... слишком уж... нельзя так.

– Ну и Бес с вами.

Аханахт отпустил растерзанную царицу и рука ее тут же метнулась за голову, другая схватила вельможу. Аханахт с удивлением посмотрел на царицу и слегка отпрянул наткнувшись на бешенный взгляд. Все девушки застыли раскрыв рты.

Нейтикерт отпустила казначея и уткнулась лицом в подушку.

– Ну вот и замечательно, – сказал Уаджар беря Аханахта под руку, – а теперь, друг мой, раз уж вы поставили охрану у спальни царицы, то пусть стоит. Это правильно – царицу надо охранять в наши подлые времена, а для надежности я поставлю свою охрану вокруг дворца, а друг наш казначей царя, – Уаджар подхватил под руку и Хнемредиу, – свою охрану поставит у всех ворот Инебу Хедж. Так будет безопасно и никому не обидно, а, кроме того, у нас всех троих будет кое какое преимущество перед остальными вельможами коллегии.

Вельможи направились к выходу, но тут к ним подошла несносная Тиби.

– Достойные господа! Но мы должны выходить из дворца, чтобы служить царице. Приносить ей пищу и напитки.

– Служи, служи девочка, своей царице. – с улыбкой ответил Уаджар. – Здесь, в ее покоях, а все что надо царице будет доставлено. Ни в чем она нуждаться не будет.

Один из негров обернулся в дверях, погрозил плетью и сказал:

– Получили твоя черная собаки!

Когда все вельможи удалились девушки кинулись к царице с утешениями. Однако тут же выяснилось, что царица в этом не нуждалась. Она сидела на кровати и глаза ее были совершенно сухи. Совсем не слезы прятала в подушке царица.

Некоторое время спустя за окном послышался тихий тоскливый плач. Вначале на него не обращали внимания – так обычно перекликались сычи, которых множество жило вокруг. Но сычик все не унимался и ныл, ныл, ныл вдобавок еще начала дергаться простынь спущенная за окно.

– Ну я ему. – сказала Хатир и взяв со стола гранат подошла к окну.

– Эй! – тут же окликнула она остальных. – А тут Хентессиу под окном.

Все сбегались к окну.

– Ну че уставились? – спросила пигалица. – Поднимите меня обратно.

– А зачем ты здесь нужна? – спросила Тиби. – Ушла так иди и дальше.

– Вы! Дылды, малолетние, немедленно меня поднимайте!

– Иди отсюда! – Хатир швырнула в нее гранат.

– Поднимите ее. – неожиданно сказала царица.

Хентессиу мигом втащили в спальню и тут же обрушили град упреков:

– Над царицей едва не надругались, нас плетью отходили как собак...

– Мало видно отходили! – махнула рукой Хентессиу. – Успели они?

– Кто?

– Уаджар с казначеем царя?

– А ты откуда знаешь, что они здесь были.

– А кому знать как и не мне! Или вы думаете они по запаху сюда приперлись? Я их и предупредила.

– А ты что лично знакома с Уаджаром?

– Ох, девки, у вас весь ум уходит в рост. Конечно, я не знаю Уаджара, но надеюсь со временем узнать и очень близко. Я знаю некоторых слуг его. Им и шепнула о замысле Аханахта.

Пигалица повернулась к Нейтикерт.

– Ну, что, царица, какое мне за это будет наказание? – нагло спросила она.

Царица сидела о чем-то задумавшись. Усмехнулась.

– Как вас назвал стражник?

– Черными собаками.

– Хорошее название. – криво улыбнулась Нейтикерт.

Глава шестая. Царица и великий мастер

Великий мастер пересекал зал храма Тота. Полная луна щедро освещала храм, но внутренности гипостилия достигали только узкие полосы света и фигура жреца, то почти исчезала в тени колонн и перекрытий, то на мгновение сверкала белыми одеждами в серебристом свете.

В этот ночной час в храме было пусто и тихо, только едва слышно доносилось стрекотание ночных кузнечиков, да негромкий звук шагов витал между каннелированных колонн.

Мастер нес в одной руке серебряное блюдо, а в другой какой-то странный черный шар, стеклянно поблескивающий.

Спустившись в следующее помещение, значительно темнее предыдущего, он поставил блюдо на черный гранитный столб, на блюдо водрузил шар и, взглянув вверх, на единственный проем, подождал немного, пока лунные лучи не осветили шар. Мастер крутнул странную сферу и она, вращаясь, забегала по блюду, загораясь то красным, то зеленым, то синим. Однако свечение ее не светило в глаза, а оставалось внутри сферы, просто обозначая какие-то грани ее, таящиеся в глубине.

Неожиданно мастер отвлекся от созерцания, приподнял голову и оглянулся.

В тени святилища виднелась фигура в белом.

– Кто ты? – спросил жрец, чувствуя странный холодок в груди, словно из открывшейся прямо под ногами бездны на него дохнула ледяная вечность.

Белая фигура не двигалась и не отвечала.

– Если ты человек, то, отвечай слуге бога – как посмел войти в святилище без разрешения, если же ты существо из Нижнего Мира, то, говори, – что ты ищешь в храме бога мудрости? Что хочешь от Носатого и его слуги?

Белая фигура, молча, двинулась к нему, не двинулась даже, а просто скользнула, словно несомая ветром. Но на белом одеянии, в призрачном свете, сверкнули золотые искры – царица! Это была она!

– Священная Супруга! – великий мастер пал на колени.

Склоненный к полу жрец, увидел перед собой длинные и узкие ступни, с длинными ногтями, накрашенными черным лаком. Некоторое время царица стояла молча, и никаких событий не происходило, разве что в святилище повеяло легким ароматом жасмина, любимыми духами маленькой царицы. Затем послышалось, а скорее угадалось, легкое движение и цветочный запах несколько усилился.

Великий мастер приподнял глаза. Царица Нейтикерт стояла на коленях. В руках она держала параллельно полу палку.

От неожиданности – земная богиня стояла на коленях! – жрец подскочил, забыв об этикете.

– Что ты царица! Что ты, моя богиня! Встань сейчас же!

– Выслушайте меня, великий мастер. – голос царицы был тих и бесстрастен.

– Царица, встань, прошу тебя. Негоже тебе, царице Черной Земли, стоять передо мною на коленях.

– Святой отец, я до тех пор не встану, пока вы не выслушаете все, что я хочу сказать вам.

Нейтикерт говорила не твердо, не упрямо, а почти безразлично, просто сообщая факт.

– Я слушаю Священную Супругу. Слушаю, мою царицу. Слушаю тебя, наша земная богиня! Слуга богов слушает, свою земную богиню.

– Ну, так и слушайте! Слушайте и ни чего не пропускайте. Святой отец, я к вам пришла учиться. Учите меня всему, что знаете вы сами. Всему, что вы знаете о людях и о сущностях их многих. Я о них хочу знать все-все-все. Я хочу понять... потому что я... я ничего не понимаю. Я не понимаю, зачем люди убивают. Не понимаю, так же, зачем они вообще живут. Я

не понимаю, почему доброта – суть слабость? Почему всегда выходит, что благородство глупости подобно? Почему храбрость всегда коварству уступает? Хочу понять я, так же, зачем человеку неисчислимые богатства – ведь он один сожрать все это совсем не в состоянии и забрать с собою в Нижний Мир тоже не сможет!? Я, в конце концов, хочу понять, что такое есть наш Верхний Мир. Откуда он такой вдруг взялся и главное – зачем? Что это еще за произведение природы? Зачем это оно такое? И очень мне надо знать. – голос царицы снизился до шепота, – каков есть Мир Нижний. Что там? Куда уходит то, что только что здесь было. Куда все исчезает? Где мы все будем после? Все это мне знать надо до тонкости и досконально. Вот, пожалуйста, возьмите. – царица вытянула вперед палку говоря тем же шепотом. – Если я проявлю леность, непослушание или глупость – бейте меня вот этой палкой. Берите! – в темноте святыни лица царицы не было видно, а только темные провалы на лице.

– Царица – это лишнее совсем.

– Святой отец, я уже вам говорила, что с колен не встану, теперь добавлю до какого срока – пока вы не возьмете эту палку и не поклянетесь самой... ну самой, что ни на есть страшной клятвой, что всему обучите меня. О-очень СТРАШНОЙ клятвой. И хочу сказать, что клятва вашей жизнью меня не удовлетворяет, я ведь прекрасно знаю, что потеря тела не самое страшное событие в жизни человека. Придется что-нибудь найти вам по-страшней. Иначе, вам я не поверю!

– Царица, давай обойдемся без страшных клятв и палок.

– Мастер! Вы ведь очень плохо знаете меня. Вы меня учили, но я все время обманывала вас, изображая способную, но ленивую и избалованную девицу – просто я учиться ленилась и считала, что все это мне сейчас не нужно и может подождать. И мы ошиблись оба и вы во мне ошиблись, и я во времени ошиблась – оно перестало ждать. Так вот, хочу вам сообщить – я ведь простою здесь так весь остаток ночи и не пойду в храм Утра совершать омовенье, и, завтра утром, никто не встретит золотой диск Хепри. Я простою, так же, весь следующий день и вечером никто не проводит за горизонты священный Атум. И прочие все боги останутся без подношений и необходимого внимания. И так будет продолжаться очень долго. – маленькая царица мрачно смотрела исподлобья. – Так что у вас нет выбора!

– Царица. – мягко сказал верховный жрец. – Ты сказала не подумав.

– Напротив, мастер, – вызывающе глянула царица, – я думала недолго, но очень много. А вот теперь вы подумайте над этими словами.

– А ты, царица, ты думаешь о боге?

– Вот именно, – я думаю о нем! Но совсем не так как вам хотелось! – царица презрительно скривила губы, – И совсем не так как хотелось бы ему.

– Как это на тебя и не похоже! – покачал головой великий мастер, – ты была совсем другой.

– Вам, мастер, может быть, сказать, что после всего, выпавшего на мою долю, что именно я думаю о нем? Или вы в мудрости своей поймете сами? Чтобы не озвучивала я свое о богах мнение? Или хотите все-таки все услышать? – маленькая царица простерла вперед ладонь и приоткрыла ротик – Я скажу! Со мной случилось самое страшное, что может произойти с человеческим существом – У МЕНЯ СТРАХ ПРОПАЛ! Я не боюсь ничего и никого!

– Нет! – быстро сказал великий мастер. – Вот этого говорить совсем не надо. Это опасно не для богов и бога. Это опасно для тебя, моя царица!

– Ты, великий мастер, произнес богов в единственном и множественном числе? Я не ослышалась и не ошиблась?

– Но ты и сама так его употребила.

– Ах, да! И в самом деле. Так именно я и сказала. Но это просто потому, что одного обвинить намного легче и я выберу из них самого могущественного – бога солнца – Ра! Я хочу

плюнуть именно на его сияющий лик, если он допускает такое... то вот ему вместо молитв и почитания.

Маленькая царица сделала жест, тот самый, понятный и в третьем тысячелетии до нашей эры, и в третьем тысячелетии нашей эры – сжала кулак левой руки, согнула ее в локте и ударила правой ладонью по левому бицепсу. Кулачок маленькой царицы оказался прямо перед носом великого мастера. Видимо она именно его избрала представителем бога Ра.

Верховный жрец мягко положил ладонь на вызывающе выставленный кулачок земной богини.

– Но подумала ли о том царица, что будет со страной, с людьми, и наконец, со всем миром, если живая богиня Черной Земли богам откажет во вниманье? Всем богам.

– Если все так, как мне кажется сейчас, то пусть оно провалится, куда ему угодно и со всеми своими богами вместе, а если для вас этот мир, такой прекрасный очень, с вашей точки зрения, ценен, то вот вам и возможность его от гибели спасти. По-крайней мере, существование ее отсрочить гибель. Выбирайте, мой многомудрый, мастер.

Жрец некоторое время стоял молча.

– Да, – произнес он, наконец, – ты настоящая царица крови Гора. Наверное, тебе по силам совершить деяния, которые запомнятся в веках.

– По силам, мастер. Я их совершу. Запомнят не в веках, в тысячелетиях. Так что же мы решим с этим миром сущим? Какова его дальнейшая судьба? Я его судьбу решила, теперь решение за вами!

– Я буду тебя учить. Я передам тебе все, чем сам владею, быть может статься, что, когда мы уйдем за горизонт, останемся мы в памяти потомков, ты – как великая и мудрая царица, первая великая царица, а я, как твой учитель и советник. Как остались в памяти потомков Нетджеритхет и Имхотеп.

– Останемся мы в памяти потомков – это я вам обещаю.

– Ну, так вставай, Супруга Бога.

– Клятву! Великий мастер, клятву! Иначе все не имеет смысла. Страшную и ненарушимую клятву! Сейчас иначе людям я не верю!

– Да, сожрет мое сердце Пожирательница, да потеряются девять моих сущностей в безднах Дуата, если я не выполню желание моей царицы. – твердо произнес Мастер.

– Теперь берите палку.

– Это уже лишнее, царица.

– Это не лишнее, а мой тебе приказ – за леность, тупость и непослушание – бить нерадивую ученицу палкой. Всех быют учеников и вон какие замечательные результаты, зачем же нам ломать налаженную систему образования?

Жрец, скрыв улыбку, взял палку, сунув её подмышку, и поднял с колен царицу и почувствовал, что ее сотрясала дрожь. Все-таки маленькая царица бросала вызов богам.

– О, царица. – теперь его голос дрогнул и он привлек ее свободной рукой к себе.

Нейतिकерт не отпрянула и не склонилась к нему. Она стояла совершенно безразлично. И хоть сзади их теперь освещала луна, вместо глаз царицы по-прежнему темнели провалы.

– Когда прикажешь начать обучаться, моя царица?

– Неужели непонятно?

Несколько ранее.

В покоях плененной царицы звучала музыка и песни. Девушки старались во всю. Мелодичные египетские любовные песни царицу не развеселили. Слава Ра, сами египтянки поняли, что Нейतिकерт, только что потерявшей отца и супруга, не до любовной лирики. Тогда сухо затрумкали барабаны и «двенадцать месяцев» медленно начали пляску, постепенно наращивая темп. Остальные разноголосьем подпевали и хлопали в ладони.

Но царицу мало занимали песни и танцы. Она о чем-то думала. Это не было оцепенение первых суток. Царица именно обдумывала нечто.

– Мне нужен великий мастер.

Сказала она это негромко, но танцы с песнями тут же прекратились.

– Надо найти способ выйти из дворца.

Девушки переглянулись.

– Нас не выпускают даже за едой. Все приносят слуги вельмож.

Хентессиу подбежала к окну, глянула вниз и, обернувшись, покачала головой.

– Теперь стоят и там.

– Да. Я знаю. – сказала царица. – И это только второе кольцо. Есть еще и третье. Но я не собираюсь ждать, что там мои вельможи сообразят со мною сделать.

– Что мы можем сделать для нашей царицы?

– Надо найти способ выбраться из дворца. – повторила Нейтикерт.

Все собрались вокруг.

– Говорите, кто что думает.

Девушки стесненно переглядывались.

– Говорите, девушки, – сказала царица, – говорите все, что придет вам в голову, пусть даже это будет чушь полная и бред, на первый взгляд. Из сотни глупостей глядишь, и умное вдруг выплывает одно, хотя бы.

Служанки задумались.

– Может забраться на крышу? – неуверенно спросила Фаменот.

– А дальше? – спросила Тиби.

– Не знаю. – честно призналась Фаменот.

– Может... – начала Хентессиу, но замолчала.

– Что?

– Да, нет, не выйдет.

– А все же?

– Ну, я подумала – может соблазнить охрану.

– Ага! Их там около сотни. Даже тебе столько не поднять. – усмехнулась Фаменот.

– А вы, здоровые ослицы, поучаствовать разве не хотите?

Девушки замялись.

– Как скажет царица. – ответила за всех Хатир.

– Нет! – отрезала Нейтикерт. – Это не пойдет, и не потому, что фигу им, а не моих девушек, а потому, что могут просто обмануть, а, если, и не обманут, то хоть один, да и продаст.

Тут к царице подошла одна из египтянок, Шему-Жара.

– Царица, дворец ведь очень старый?

– Да. – кивнула Нейтикерт. – более тысячи лет.

– Я думаю, надо сделать подкоп.

– Подкоп!?

– Ну, да! Найти место, где между каменной кладкой слой глины и копать.

– Хм. – хмыкнула царица. – Это уже ближе. А куда денем землю?

– А вот ее как раз на крышу. – обрадовалась Фаменот, что и ее мысль о крыше пригодилась.

– А ты представляешь, сколько копать придется, чтобы выйти за Белую Стену?

– А зачем сразу за Белую стену? Достаточно выйти из дворца. Не думаете же вы, что они поставили охрану вокруг всей стены?

– Верно! – согласилась Нейтикерт. – Для этого понадобится войско. Они, наверняка, охраняют только Белые и Красные ворота.

– Копать. – задумчиво произнесла египтянка Ахет-Разлив. – Копать подземный ход.

– Что ты хочешь сказать?

– Я? – словно очнулась Ахет. – Подземный ход... может быть... просто не может быть...

– Ты о чем? – спросила, прищурившись Нейтикерт. – Ты... думаешь?

– Да! Просто не может не быть. Они ведь не дураки были, наши предки.

– Правильно! – одновременно воскликнули Посев, Жара и сама царица.

– Но как его искать.

– Да, – согласилась Нейтикерт, – найти будет очень трудно. Такие вещи очень хорошо маскируют и ставят секретные запоры. Знать хотя бы приблизительно место. Ищем!

Все девушки начали обшаривать по сантиметру покои. Убирали ширмы, сдвигали мебель, простукивали стены.

Ничего.

– Вход может быть и не в стене, а в полу. – сказала Нейтикерт.

Принялись за пол. Долго ползали и стучали и чуть лишь не вылизали. Никаких намеков.

Обессиленные все уселись на полу.

– Мы сто раз уже, наверное, прошли мимо него. – произнесла царица.

– Царица, мы его найдем. Не сомневайся. – сказала Тиби. – Ну чего расселись? Искать черные собаки!

Поиски возобновились. Однако опять безрезультатно. Хентессиу тем временем участия в поисках не принимала. Она стояла посреди зала что-то бормотала и разводила руками.

– Эй, Хентессиу, ты, что там молишься?

– А? – очнулась пигалица.

– Почему не ищешь вместе со всеми?

– Я? А я, кажется, нашла.

– Что ты нашла? – фыркнула Фаменот. – Блоху в своей прическе?

– Подожди, Фаменот. – оборвала девушку Нейтикерт. – Что ты нашла, Хентессиу?

– Подземный ход.

– Ну, может, мне покажешь? Или это теперь твоя тайна?

Хентессиу подошла к стене украшенной изящными брузери и показала на пол и дерево внизу.

– Что это?

На полу были видны полосы, словно от когтей и такие же следы украшали низ резной решетки.

– Ну, это все знают, это мой лев здесь точит когти.

– А почему здесь именно?

– Там где выбрал, там и точит. Все кошки так поступают.

– Нет, царица, он не только точит. Я смотрела, как он это делает. Он поскребет и потом принюхивается, погрызет и слушает. Он там что-то чувствует. Что?

– Священная девятка! – воскликнула Шему. – Она права – он там, подземный ход.

– Так. – скомандовала Нейтикерт – Отойдите и не мешайте.

Царица опустилась на колени и внимательно, миллиметр за миллиметром осмотрела резное дерево, уделив особое внимание стыкам, затем прощупала некоторые места пальцами и, наконец, улыбнулась.

– Есть.

Все сгруппировались вокруг нее.

– Вот видите – вырезанные кружочки рядом со стыком, по всей длине. Все кружочки как кружочки, а вот эти два особенные. Смотрите – я нажимаю, и они поддаются.

– А где же потайной ход? – спросила нетерпеливо Хентессиу.

– Не спешите. Не все так просто. Никогда не спешите, если имеете дело с фокусами древних мастеров.

Нейтикерт некоторое время осторожно крутила отжатые двумя большими пальцами деревянные кнопки.

– Так. Готово. Запоры сняты.

– А почему не открывается? – не успокаивалась Хентессиу.

– Успокойся! – прикрикнула на нее Хатир.

– Ага, успокойся, – проворчала пигалица, – можно подумать, остальные все прямо такие спокойные, как крокодил на отмели, в период засухи.

Нейтикерт чуть пошатала решетку, определяя стороны ее свободы и начала сдвигать вправо, но тут же остановилась.

– Что? – шепотом спросили почти все.

– Что-то туго пошла.

– Давай, я. – предложила рослая Фаменот.

– Стой, где стоишь! – прикрикнула царица. – Дайте лампаду.

Подали лампаду, и Нейтикерт посветила вверх, затем начала изучать открывшийся косяк решетки. Хмыкнув, выдвинула деревянный рычаг, сверху что-то щелкнуло. Царица отодвинула решетку полностью, та свободно отъехала в сторону, открыв за собой небольшое помещение.

– Смотрите. – Нейтикерт показала вверх. – Там за решеткой висят копы и если не знать секрета, то как раз и пришиблят прямо к полу. Ну, теперь, надеюсь, все.

Все осторожно вошли внутрь, недоверчиво поглядывая вверх, на висящие там копы.

– Но это не подземный ход. – разочарованно сказала Тиби. – Это просто комната. Зачем она?

– Я, кажется, знаю. – ответила царица. – Это комната для подслушивания и подглядывания.

– Так, значит, нас мог кто-нибудь подслушивать все это время?

– А как бы он прошел сюда мимо нас?

– Вряд ли кто знает об этом помещении.

– Раз оно есть, то кто-нибудь, да знает.

– Нет. – сказала Нейтикерт.

– Почему так думает царица?

Палец Нейтикерт уперся в стену:

– Вот поэтому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.